Krauchinskiĭ, Sergeĭ Mikhailovich

Domik na Volge; povestʹ

891.73
K91D

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

STEPNIAK. UN CHALET SUR LE VOLGA, nouvelle.

С. Степнякъ.

Домикъ на Волгѣ.

Повѣсть.

Изданіе Фанни Степнякъ.

GENÈVE
H. STAPELMOHR
1896

Kravchinskii, Sergei Mikhailovich

С. Степнякъ.

pseud.

Домикъ на Волгѣ.

Повѣсть.

Изданіе Фанни Степнякъ.

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ“.
1896

891.73
K91D

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

Приступая къ изданію сочиненій Сергѣя Михайловича Степняка (С. М. Кравчинскаго) на русскомъ языкѣ, я должна сдѣлать оговорку. Прежде всего мнѣ хотѣлось выпустить въ свѣтъ переводъ романа Сергѣя Михайловича, — The carreer of a Nihilist — написаннаго имъ по англійски. Къ сожалѣнію, переводъ на русскій языкъ сдѣланъ не самимъ авторомъ, даже не просмотрѣнъ имъ, и этимъ объясняется, почему изданіе романа такъ затянулось.

Между тѣмъ, у меня оказались законченныя русскія рукописи — повѣсть, драма и еще кое-какія вещи, — которыя я и рѣшила напечатать раньше.

Кромѣ того, я имѣю въ виду издать въ русскомъ переводѣ наиболѣе важныя изъ его работъ, вышедшихъ на англійскомъ языкѣ, а также все, что было имъ когда-либо напечатано въ легальной русской печати.

Пусть это послужитъ памятникомъ тому, кто такъ горячо любилъ свою родину и русскій языкъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/domiknavolgie01step

I.

Ночной курьерскій поѣздъ пролеталъ послѣднюю сотню верстъ до С—, одного изъ приволжскихъ губернскихъ городовъ. Огни въ деревняхъ были давно потушены, и вся необозримая поляна волжскаго побережья превратилась въ одно сплошное море мрака. Утонули въ немъ поля, луга; утонули черныя громады лѣсовъ; утонули деревни. Какъ большія муравьиныя кучи стояли разсыпанныя то тамъ, то сямъ группы низенькихъ избъ съ высокими соломенными крышами, убогимъ жильемъ поволжскаго крестьянина. На задахъ, поодаль отъ жильевъ, стояли другія, болѣе правильныя кучи скирдъ только что убраннаго хлѣба, которыя въ темнотѣ можно было принять за деревню, а деревню за скирды. Луна еще не всходила. Легкій ночной вѣтерокъ, дувшій съ могучей рѣки, лѣниво гналъ сѣрыя тучи, которыя заволакивали небосклонъ, не давая звѣздному лучу проникать ихъ густую ткань. Моросилъ мелкій дождь. Запоздавшій торговецъ, возвращавшійся изъ города, едва видѣлъ извилистую дорогу и, бросивъ возжи, предоставилъ коню самому отыскивать путь. И умный конь шелъ твердой поступью, косясь отъ времени до времени на низенькое, едва поднимавшееся надъ поверхностью земли, полотно желѣзной дороги, которое прошло по этой зеленой пустынѣ.

Тонкіе, блестящіе и ровные, какъ стрѣла, рельсы на широкихъ шпалахъ, вонзившіеся обоими концами въ непроницаемый мракъ, уже жужжали неслышимо для человѣческаго уха, предвѣщая приближеніе поѣзда. Гдѣ-то, въ безконечной дали, раздался мягко и протяжно свистъ локомотива. Конь мотнулъ ушами и фыркнулъ, нюхая воздухъ. Хозяинъ подобралъ возжи, понемногу

сворачивая въ сторону. Прошло нѣсколько минутъ, и на горизонтѣ показались два огненныхъ глаза. Ближе, ближе. Рельсы задребезжали и вскорѣ, кокетливо скользя по гладкому пути, какъ конькобѣжецъ по льду, вихремъ пронесся въ клубахъ дыма грохочущій поѣздъ, освѣтивъ на минуту поляну и бросая багровое зарево на низкіе облака, засматривавшіе сверху въ его огненную утробу. Было что-то праздничное, ликующее въ этомъ длинномъ рядѣ ярко освѣщенныхъ подвижныхъ палатъ, которыя безъ усилія, точно по мановенію волшебнаго жезла, неслись мимо спящихъ деревень, черныхъ полей и лѣсовъ, смѣясь надъ пространствомъ, надъ мракомъ и непогодою. Такъ глядитъ снаружи сверкающій огнями и позолотою бальный залъ, когда гремитъ оркестръ, и разодѣтыя пары мелькаютъ въ зеркальныхъ окнахъ. И зритель, стоящій въ темнотѣ и на холодѣ, невольно думаетъ тогда о счастьи, весельи, довольствѣ. Но на балахъ часто льются невидимыя слезы, и въ этомъ летучемъ дворцѣ разыгрывалась въ эту минуту тяжелая драма.

Въ отдѣльномъ купэ перваго класса въ одномъ изъ переднихъ вагоновъ сидѣло трое пассажировъ. Двое было военныхъ — въ нихъ по синимъ мундирамъ съ бѣлымъ приборомъ легко можно было узнать жандармовъ. Третій былъ статскій — молодой человѣкъ, насколько можно было судить по тонкой, стройной фигурѣ, русой, курчавой бородкѣ и усамъ, виднѣвшимся изъ-подъ надвинутой на лицо шляпы.

Одинъ изъ жандармовъ спалъ, растянувшись на скамейкѣ. Другой, неестественно выпрямившись, сидѣлъ въ углу и дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы преодолѣть сонъ. Однако, отъ времени до времени онъ клевалъ носомъ, и тогда онъ энергично встряхивался и строго посматривалъ па молодаго человѣка. Это, очевидно, былъ конвоируемый имъ политическій арестантъ.

Прислонившись къ углу и вытянувъ наискось ноги, тотъ, повидимому, крѣпко спалъ. Грудь его поднималась медленно и равномѣрно, и тихое, сонное дыханіе слышно было въ промежуткахъ между лязгомъ поѣзда.

Но если бы кто-нибудь неожиданно заглянулъ подъ широкія поля его войлочной шляпы, то увидѣлъ бы пару сѣрыхъ глазъ, исполненныхъ такого жгучаго, напряженнаго вниманія, которые ясно показывали, что молодому человѣку было не до сна. Въ головѣ его созрѣлъ планъ побѣга, — дерзкій, отчаянный планъ, — и теперь его участь зависѣла отъ того, заснетъ или нѣтъ этотъ неуклюжій, краснорожій жандармъ. Изъ-подъ надвинутой на брови шляпы онъ не переставалъ ни на минуту слѣдить за нимъ.

Жандармъ покачивался, какъ длинный маятникъ, передъ тѣмъ, какъ остановиться. Потомъ онъ вдругъ чуть не клюнулъ своего товарища въ голову, разомъ упавши впередъ, и встрепенулся, посмотрѣвъ внимательно на арестанта. Тотъ все лежалъ въ той же позѣ. Тогда жандармъ успокоился и, выпучивъ глаза, смотрѣлъ въ стѣну, стараясь не моргнуть.

Прошло нѣсколько минутъ. Поѣздъ быстро несся впередъ. Мѣрно, точно въ тактъ. гремѣла машина. Жидко, какъ-то жалостно дребезжали окна. Мелкіе, непрерывные толчки, передававшіеся черезъ мягкія, пружинныя подушки, дѣйствовали какъ непреодолимое усыпительное средство на тяжелый, не привыкшій ни къ какой работѣ, мозгъ. Все чаще и чаще приходилось жандарму встряхиваться, и замиравшій отъ волненія арестантъ считалъ минуты, когда его стражъ окончательно свалится и захрапитъ.

Но вдругъ тотъ оживился: ему вспомнилось, что лучшее средство разогнать сонъ — трубка. Онъ вынулъ кисетъ, основательно набилъ коротенькую, деревянную носогрѣйку и, расположившись поудобнѣе въ углу, взялъ трубку въ зубы и чиркнулъ спичкой. Арестантъ закрылъ съ отчаянія глаза.

— Проклятый! простоналъ онъ про себя: разрушалась послѣдняя его надежда.

Но въ эту самую минуту что-то упало на полъ. Онъ бросилъ быстро взглядъ по направленію звука и увидѣлъ подъ противоположной скамейкой трубку, выпавшую изъ рукъ жандарма. Тотъ спалъ крѣпкимъ сномъ

съ тѣмъ самымъ блаженнымъ выраженіемъ лица, которое принялъ, умащиваясь, чтобы покурить поудобнѣе.

Радость, почти столь же болѣзненная, какъ прежнее отчаяніе, охватила душу молодаго арестанта. Какъ будто свобода уже открылась передъ нимъ. Какъ будто между нимъ и ею не стояло страшнаго препятствія, которое только при отчаянной смѣлости и слѣпомъ счастьи можно было надѣяться преодолѣть.

Переждавъ нѣсколько минутъ, онъ осторожно всталъ, поправилъ шляпу и сдѣлалъ два шага по узкому проходу. При свѣтѣ фонаря теперь можно было разсмотрѣть его подробнѣе. На видъ ему можно было дать года двадцать-четыре, двадцать-пять. Онъ былъ выше средняго роста и очень пропорціональнаго, хотя не сильнаго сложенія. Мелкія, чрезвычайно подвижныя черты небольшаго лица съ высокимъ, немного стиснутымъ на вискахъ лбомъ, какіе бываютъ у музыкантовъ; гладкая, чисто женская шея и тонкія, бѣлыя руки съ длинными правильными пальцами, все обличало натуру нервную, порывистую, страстную, отвѣчающую скорѣе представленію объ артистѣ, чѣмъ о бойцѣ. Такія физіономіи попадаются нерѣдко между русскими такъ называемыми „нигилистами", и при томъ далеко не всегда среди людей умѣренныхъ фракцій: скорѣе, наоборотъ. Общее впечатлѣніе нервности и какой-то женственности дополнялось парою красивыхъ сѣрыхъ глазъ, которые то потухали подъ длинными рѣсницами, то вспыхивали какимъ-то жгучимъ блескомъ. Эти глаза не ручались за упорство и постоянство воли, но они обнаруживали способность къ огромной мгновенной энергіи, которой отличаются очень нервные люди.

Молодой человѣкъ стукнулъ каблукомъ объ землю, чтобы испытать крѣпость сна своего стража, и устремилъ на него свои жгучіе сѣрые глаза. Подъ вліяніемъ этого упорнаго взгляда жандармъ зашевелился во снѣ. Молодой арестантъ быстро отвелъ отъ него опасный взглядъ и, давъ ему успокоиться, подошелъ къ своему окошку.

Времени терять было нечего. Еще часъ ѣзды, и пе-

редъ нимъ раскроется черная пасть тюрьмы, откуда ему, быть можетъ, во вѣки не выбраться на свѣтъ Божій. Онъ попался подъ чужой фамиліей. Полиція не подозрѣвала, кто онъ. Но въ тюрьмѣ, куда его везли, сидѣлъ предатель Харинъ, когда-то его товарищъ, который тотчасъ его узнаетъ, и тогда его пѣсенка будетъ спѣта. Планъ его былъ столь же простымъ, какъ и отчаяннымъ: выброситься изъ вагона на всемъ ходу и, если онъ не расшибется въ смерть и не переломаетъ себѣ ногъ, добраться до города, укрыться, переждать первую горячку погони и затѣмъ вернуться въ Петербургъ. По счастью, ему удалось скрыть отъ глупой уѣздной полиціи всѣ свои деньги, которые остались зашитыми у него въ платьи.

Обѣ дверцы были заперты, онъ это зналъ. Но окно было для него достаточно широко. Онъ спустилъ стекло. Шумъ и грохотъ поѣзда ворвался въ вагонъ вмѣстѣ съ струей свѣжаго воздуха.

Оба жандарма не пошевельнулись. Молодой человѣкъ высунулъ голову и сталъ всматриваться впередъ въ темноту. Верхушки кустовъ замелькали у него передъ глазами. Поѣздъ несся по молодой орѣховой поросли, пересыпанной кое-гдѣ темными кустами сорной травы, изъ-подъ которыхъ виднѣлась бѣлесоватая песчаная почва.

„Какъ разъ подходимъ“, подумалъ онъ.

Но когда онъ опустилъ голову и взглянулъ прямо подъ поѣздъ, то пришелъ въ ужасъ. Быстро уплывавшая спереди почва здѣсь неслась съ одуряющей быстротой. Камни, шпалы, все сливалось въ одинъ непрерывный, бѣшеный, смертоносный потокъ. Въ его разстроенномъ долгой безсонницей мозгу живо встала картина, въ которой онъ видѣлъ себя самого разбитаго, растерзаннаго въ клочья этими сучьями, бревнами, камнями. Вздохъ, похожій на стонъ, вырвался у него изъ груди: слабое тѣло сопротивлялось и малодушно молило о пощадѣ.

Но это продолжалось только минуту.

„Теперь, или никогда“! проговорилъ онъ и, вставъ

на подушку сидѣнья, онъ скользнулъ на окно, свѣсивши обѣ ноги внаружу.

— Ну держи... А ты его... Лови! раздалось вдругъ за его спиной.

Онъ съ ужасомъ оглянулся, — то говорилъ съ просонья жандармъ подъ вліяніемъ какого-то смутнаго ощущенія дѣйствительности.

Не теряя ни минуты болѣе, молодой человѣкъ скользнулъ внизъ и повисъ на правомъ локтѣ надъ черной стремительной бездной. У него закружилась голова отъ страшнаго грохота, вихря, душившаго его дыма и бившаго ему въ лицо мелкими горячими угольками. Поѣздъ въ эту минуту заворачивалъ вправо. Его отрывало отъ окошка. Еще мгновеніе, и онъ лишился бы чувствъ. Но въ головѣ его твердо держались инструкціи, которыя онъ самъ себѣ давалъ, обдумывая свой отчаянный планъ. Нащупавъ правой ногой точку опоры и держась по возможности лицомъ по направленію движенія поѣзда, онъ разомъ оттолкнулся впередъ рукой и ногой и полетѣлъ въ пространство.

Ему казалось, что онъ летитъ долго, безъ конца. Вихрь прекратился, а онъ все летѣлъ. Онъ думалъ, что никогда не долетитъ. Полно, точно-ли онъ выпрыгнулъ? Не сонъ-ли это все?

Вдругъ что-то ударило его подъ ноги, точно огромная коса оторвала ему конечности, и страшный толчекъ въ спину растянулъ его ничкомъ. Изъ глазъ его посыпались искры, и онъ лишился чувствъ.

II.

Поѣздъ давно пронесся мимо, и мертвая тишина воцарилась въ полѣ. Дождь пересталъ. Узкій серпъ луны показался на горизонтѣ, освѣщая тусклымъ свѣтомъ влажную землю, и деревни, и кусты, и неподвижную фигуру, лежавшую у дороги. Подулъ свѣжій вѣтерокъ. На востокѣ побѣлѣли облака, предвѣщая зарю, а темная масса все лежала неподвижно, и теперь, при блѣдномъ свѣтѣ утра, на бѣломъ пескѣ у головы можно было замѣтить кровавое пятно.

Вотъ на горизонтѣ показался бѣлый, быстро вытягивающійся дымокъ, подъ которымъ виднѣлась черная полоска. Это ѣхалъ другой, ранній товарный поѣздъ. Вотъ обозначилась длинная цѣпь сѣрыхъ вагоновъ. Ближе, ближе, и съ тяжелымъ, оглушительнымъ грохотомъ, отъ котораго дрожала земля, поѣздъ пронесся мимо. Машинистъ выпустилъ паръ, и пронзительный свистокъ прорѣзалъ влажный утренній воздухъ.

Неподвижная человѣческая масса заметалась, заерзала, и при послѣднемъ рѣзкомъ звукѣ лежавшій замертво человѣкъ вскочилъ на ноги и, гонимый какимъ-то паническимъ страхомъ, бросился бѣжать, перепрыгивая черезъ кусты и спотыкаясь. Поѣздъ быстро удалялся. Шумъ стихъ, и бѣглецъ понемногу пришелъ въ себя и остановился.

„Зачѣмъ бѣжать“? подумалъ онъ. „Вѣдь никто не гонится“.

Въ первую минуту онъ былъ увѣренъ, что поѣздъ, заставившій его очнуться, былъ тотъ самый, изъ котораго онъ такъ счастливо выскочилъ. Только посмотрѣвъ на небо и замѣтивши, что уже объутрѣло, онъ

сообразилъ, что этого не можетъ быть и что онъ, должно быть, долго лежалъ безъ чувствъ.

Онъ вынулъ изъ боковаго кармана часы. Но они были разбиты въ дребезги, ударившись о камень при паденіи. Судя по цвѣту небосклона, теперь должно было быть часовъ пять утра.

Что-то теплое струилось по его виску. Онъ пощупалъ рукою: кровь. Все лицо его было липкое отъ запекшейся крови.

„Куда покажешься съ такой образиной"? подумалъ онъ.

Но какъ остановить кровь? Рана была неопасная, но очень неудобная въ данную минуту. Онъ открылъ маленькій сачекъ, висѣвшій у него черезъ плечо, который онъ забылъ сбросить; но тамъ, кромѣ носоваго платка, да письменныхъ принадлежностей, ничего не оказалось. Къ счастью, кругомъ росли пучки молочая. Сорвавъ нѣсколько стеблей, онъ выжалъ изъ нихъ на ранку вяжущій, липкій бѣлый сокъ. Кровь остановилась.

„Сойдетъ"! весело подумалъ онъ.

Онъ вымылъ себѣ кое-какъ лицо мокрой травою и вытерся чистымъ платкомъ.

Теперь пора была поскорѣе убраться съ опаснаго мѣста. Идти въ городъ нечего было и думать: онъ не дойдетъ туда раньше полудня, когда вся полиція уже будетъ на ногахъ, и его схватятъ, какъ куропатку.

Онъ рѣшился идти на удачу вглубь до перваго жилья. Тамъ будетъ видно.

Онъ быстро перешелъ черезъ полотно на ту сторону и пошелъ прямикомъ по направленію къ югу. Онъ пересѣкъ проселокъ, бѣжавшій параллельно желѣзной дорогѣ, и съ наслажденіемъ углубился въ кусты, которые такъ ласково укрыли его въ своихъ нѣдрахъ.

Онъ шелъ съ полъ-часа, посматривая отъ времени до времени на забѣлѣвшій востокъ, чтобы не сбиться съ направленія.

За рощей пошло чистое открытое поле. Здѣсь человѣка за пять верстъ видно было. Послѣ лѣса ему стало идти какъ-то не по себѣ. Видъ у него былъ совсѣмъ

не мѣстнаго человѣка. Да къ тому же эта дорожная сумка.... Онъ пожалѣлъ, что не бросилъ сумку въ лѣсу: въ чистомъ полѣ оставлять ее было опасно.

Впереди виднѣлся недавно сложенный стогъ. Бѣглецъ направился туда. Онъ собирался сунуть во внутрь стога свою сумку, какъ, оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ шагахъ въ ста двухъ мужиковъ, лицъ которыхъ въ полумракѣ утра онъ не могъ хорошенько разсмотрѣть. Одинъ былъ черный, помоложе; другой — старикъ, съ просѣдью. Оба были въ засаленныхъ овчинныхъ тулупахъ и стояли неподвижно, свѣсивъ руки. Хотя они смотрѣли прямо на него, но съ такимъ равнодушнымъ, апатичнымъ видомъ, что онъ былъ увѣренъ, что они ничего не замѣтили.

Онъ подошелъ къ нимъ.

— Добрый день, сказалъ онъ.

— Здорово, отвѣтилъ мужикъ.

— А не знаете-ли, гдѣ здѣсь лошадь съ повозкой достать можно?

Мужики переглянулись.

— Чтожь, въ деревнѣ, извѣстно, лошадь достать можно, сказалъ старшій. Да ты откудова будешь?

— Проѣзжій, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Въ С. ѣхалъ, да на послѣдней станціи поѣздъ потерялъ. Ждать до утра другого поѣзда не хотѣлось, потому спѣшное дѣло. Ну, вотъ пѣшкомъ и пошелъ, да дорогой и заблудился. Всю ночь проплуталъ.

— Такъ, такъ. Извѣстно, чего ждать. До города отсюда съ три часа мѣста, соглашался мужикъ. Да какъ же ты заблудился-то? Вѣдь старая-то дорога все рядомъ съ чугункой идетъ....

„Догадывается, шельма"! подумалъ молодой человѣкъ.

— Да вотъ то-то, хотѣлъ прямиками пройти, сказалъ онъ громко. На станціи человѣкъ одинъ объяснялъ. Ну, вотъ и сбился, закончилъ онъ, чтобы какъ нибудь извернуться.

Ни одинъ мускулъ не пошевельнулся на безхитростномъ лицѣ мужика.

— Такъ, такъ, добродушно соглашался онъ. Извѣстно, въ незнакомомъ мѣстѣ, да прямиками, долго-ли сбиться? Ты, видно, не здѣшній?

— Не здѣшній. Такъ какъ же до деревни-то добраться? нетерпѣливо спросилъ молодой человѣкъ, чтобы прекратить поскорѣе этотъ допросъ.

— А вотъ какъ пройдешь поле, да взойдешь на тотъ холмикъ, вотъ тамъ, съ большимъ радушіемъ объяснялъ мужикъ, указывая рукою. Увидишь налѣво кусты, а межъ кустами дорога, — такъ, проселковая, почитай что не ѣзжалая. Такъ ты туда не ходи: а направо будетъ тебѣ вѣтренная мельница, Панютиныхъ господъ, что нашей деревней допрежь владѣли. Такъ ты туда тоже не ходи. Ни къ чему, потому что мельница-то пустая. Наши ее на дрова ломаютъ. А иди ты прямо, и будетъ тебѣ тропа. А по тропѣ ты вправо все забирай, все забирай, и выйдешь ты на пригорокъ. Вотъ тамъ въ долинкѣ наша самая деревня и будетъ. Сухомля прозывается. Такъ она испоконъ вѣку Сухомля и была. Тамъ ужь спросишь.

— Спасибо, сказалъ молодой человѣкъ и быстро удалился.

— Счастливаго пути! крикнулъ ему вслѣдъ мужикъ.

Молодой человѣкъ, не останавливаясь, обернулся и кивнулъ головой.

— Спасибо, проговорилъ онъ на ходу.

— Жуликъ! съ убѣжденіемъ сказалъ мужикъ, когда молодой человѣкъ достаточно удалился. Стащилъ, видно, на станціи сумку-то, ну и припрятать хотѣлъ.

Молодой человѣкъ дошелъ между тѣмъ до пригорка и увидѣлъ все, какъ ему объяснялъ мужикъ. Мельницу и проселокъ. Но онъ не пошелъ дальше въ деревню по указанному ему направленію. Подъ вліяніемъ инстинктивнаго стремленія бѣглецовъ замести свой слѣдъ, онъ перемѣнилъ планъ и свернулъ влѣво. Его манила лѣсная роща, и дорога казалась достаточно проторенной. По ней онъ разсчитывалъ добраться до жилья.

Онъ шелъ долго, часа два. Лѣсокъ смѣнился полями. Потомъ опять пошелъ лѣсъ. Онъ освободился отъ сво-

его сака, забросивъ его въ лѣсную чащу. Теперь не особенно внимательный наблюдатель могъ бы принять его за двороваго безъ мѣста, идущаго по бѣдности на своихъ на двоихъ искать куда нибудь счастья. Видъ у него былъ, во всякомъ случаѣ, достаточно унылый. Онъ сильно проголодался, и усталость вмѣстѣ съ безсонницей начинали брать свое. Но это его не смущало. Гораздо болѣе смущало его то, что по временамъ ноги его ни съ того, ни съ сего подгибались, точно кто-то толкалъ его подъ колѣни. Очевидно, его отчаянный прыжокъ не обошелся ему даромъ.

Однако онъ все шелъ и шелъ впередъ. Лѣсъ становился гуще и мало по малу мѣнялся. Чаще и чаще стали попадаться хвойныя деревья, и мало по малу лѣсъ перешелъ въ темный еловый боръ. Вѣковыя деревья нависали своими вѣтвями надъ дорогою. Въ глубинѣ, куда не достигалъ глазъ, виднѣлась длинная анфилада стройныхъ, красноватыхъ колоннъ. Мягкая, рыхлая, лишенная травы, земля была покрыта, какъ войлокомъ, сплошнымъ слоемъ свѣтло-палевыхъ, старыхъ хвой, которыя, казалось, сами свѣтились нѣжнымъ, мягкимъ свѣтомъ, придававшимъ какую-то таинственность храма этимъ глубокимъ, темнымъ сводамъ.

Едва переступая утомленными ногами, молодой бѣглецъ плелся впередъ, не обращая вниманія на окружающее, какъ вдругъ горизонтъ просвѣтлѣлъ, лѣсъ разступился, и онъ увидѣлъ передъ собою всю залитую косыми лучами огромную поверхность воды, тихую, какъ озеро въ безвѣтренный день.

То была Волга-матушка, великая русская рѣка, которую онъ такъ любилъ и на которой прошло его дѣтство. Дорога круто сворачивала направо вдоль рѣки.

Молодой человѣкъ пріободрился и пошелъ по берегу: теперь онъ зналъ навѣрное, что встрѣтитъ жилье, людей, а съ ними, надѣялся, и помощь.

На противоположномъ берегу, точно игрушка, виднѣлась деревенька.

„Раздѣться, связать платье узелкомъ на голову и переплыть на ту сторону“, мелькнуло у него въ головѣ.

Лучшаго средства замести слѣдъ нельзя было бы придумать. Онъ былъ хорошимъ пловцомъ и могъ разсчитывать совершить благополучно опасную переправу. Но онъ чувствовалъ такую слабость во всѣхъ членахъ, что не рѣшился второй разъ пытать провидѣніе.

„Нужно добыть гдѣ нибудь лодку, подумалъ онъ. Все прибрежное населеніе промышляетъ рыбачествомъ. Ему, навѣрное, попадется лодка, и онъ ее купитъ, отниметъ, — украдетъ, если нужно“.

III.

Онъ не прошелъ и получаса, какъ рѣка сдѣлала излучину, огибая маленькій лѣсистый мысикъ. Взойдя на на него, онъ точно увидѣлъ передъ собой лодку. Но она была не пустая. Ни отнимать, ни нанимать ее не предстояло возможности, потому что въ ней сидѣла дѣвушка, въ которой съ перваго разу можно было узнать барышню.

Она, очевидно, только-что выкупалась. Мокрые свѣтлорусые волосы были связаны тяжелымъ узломъ подъ бѣлой соломенной шляпой — матросской съ узенькими полями, изъ подъ которой виднѣлось молодое, худощавое лицо съ правильными и твердыми чертами. Она была одѣта въ ситцевую, свѣтло-сѣрую блузочку, перехваченную на таліи широкимъ кожанымъ поясомъ, и въ обнаженныхъ до локтя крѣпкихъ рукахъ держала весло, которымъ тихо гребла къ берегу. Она уже пригнала лодку къ песчаной отмели и встала, покачивая судно ногами, собираясь выскочить на землю, когда молодой человѣкъ спустился къ водѣ и, выйдя изъ-за кустовъ, кашлянулъ, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Извините, сударыня.... сказалъ онъ.

Дѣвушка съ испугомъ вскинула на него большіе голубые глаза и быстрымъ движеніемъ весла оттолкнула лодку назадъ.

— Не бойтесь. Я ничего вамъ не сдѣлаю.... Остановитесь.... говорилъ ей молодой человѣкъ.

Но дикарка его не слушала. Усѣвшись на корму, она заворачивала, гребя и правя весломъ.

— Подождите. Мнѣ вамъ нужно что-то сказать.... Ради Бога.... вскричалъ молодой человѣкъ.

Дѣвушка остановилась.

— Что вамъ отъ меня нужно, ради Бога? сказала она, продолжая держаться на почтительномъ разстояніи.

Голосъ ея былъ грудной, низкій. Она слегка картавила.

— Мнѣ необходимо переѣхать на ту сторону, вонъ въ ту деревню.... Дайте мнѣ вашу лодку. Я вамъ ее назадъ отошлю. Перевезите меня сами. Чего вамъ это стоитъ?...

Предложеніе ѣхать вдвомъ съ этимъ незнакомымъ страшнаго вида человѣкомъ перепугало ее окончательно.

— Я не перевозчица! сказала она и съ рѣшительнымъ видомъ направила лодку въ глубь, усердно гребя весломъ. Легкое судно стрѣлой разсѣкало тихую поверхность рѣки.

Отплывши шаговъ на двѣсти и почувствовавъ себя въ совершенной безопасности, она обернулась. Молодой человѣкъ стоялъ у дерева, отчаянно цѣпляясь за вѣтви, чтобы не упасть. Послѣднія силы оставили его. Онъ готовъ былъ лишиться сознанія.

Сердце молодой дикарки сжалось. Не долго думая, она повернула сильной рукой лодку, погнала ее назадъ и прямо врѣзалась носомъ въ песокъ. Она выскочила на землю.

— Что съ вами? Вы больны? спросила она съ участіемъ, подходя къ нему. Ваше лицо въ крови. Васъ ограбили? Вы ранены?

Онъ взглянулъ ей въ добрые голубые глаза. Надежда снова оживила его. Онъ не сомнѣвался теперь, что дѣвушка, которую послала ему судьба, поможетъ ему. Но что-то мѣшало ему притворяться, воспользоваться ею самой подсказанной басней.

— Нѣтъ, проговорилъ онъ. Меня не ограбили. Я бѣжалъ. Я соскочилъ съ поѣзда и самъ себя ранилъ.

— Съ поѣзда? Ахъ, Боже мой! Какъ это ужасно. Зачѣмъ же....

Она хотѣла спросить, зачѣмъ же онъ сдѣлалъ такую отчаянную вещь.

— Я политическій. Слыхали?

Слыхала-ли? Ея Ваня, ея милый Ваня, по которомъ

она томилась вотъ уже годъ и котораго оплакивала, какъ погибшаго, развѣ не былъ тоже политическимъ?

— Вы политическій? Чего же вы мнѣ прямо не сказали? воскликнула она.

Молодой человѣкъ улыбнулся.

— Вы мнѣ не дали времени, сказалъ онъ.

Она тоже засмѣялась, истолковавъ свой нелѣпый страхъ.

Этотъ смѣхъ сразу сблизилъ ихъ.

— Скажите, не встрѣчались-ли мы когда нибудь? вдругъ спросилъ молодой человѣкъ, всматриваясь въ свою новую знакомую. Мнѣ что-то кажется, будто я васъ гдѣ-то видѣлъ.

— Нѣтъ, мы никогда не встрѣчались. Я не выѣзжала вотъ ужь три года изъ усадьбы. Но все равно, я для васъ все сдѣлаю, точно мы давно знакомы. Ради Вани... прибавила она какъ будто про себя. Скажите, что вамъ нужно?

— Мнѣ нужно на тотъ берегъ, повторилъ молодой человѣкъ.

— Хорошо. Садитесь.

Она вскочила въ лодку. Онъ послѣдовалъ за ней.

— Дайте мнѣ весло, сказалъ онъ. Я умѣю грести. Вамъ еще обратный путь предстоитъ. Вы устанете.

— О, нѣтъ. Я не разъ переплывала рѣку.

Нѣсколько времени они плыли молча.

— У васъ лицо въ крови, сказала дѣвушка. Тамъ въ носу въ корзинкѣ есть полотенце.

Онъ досталъ полотенце, омочилъ его въ воду и вытерся.

— Сядьте глубже, на самое дно. Вамъ будетъ покойнѣе, совѣтовала дѣвушка.

Онъ повиновался, какъ ребенокъ.

— Кто же у васъ тамъ есть въ той деревнѣ? спросила дѣвушка. Знакомые? Родные, можетъ быть?

— У меня никого тамъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— Какъ никого? Зачѣмъ же вы туда ѣдете?

Они плыли на серединѣ огромной рѣки совершенно одни между небомъ и землею. Берега виднѣлись надъ

поверхностью воды. Деревья и избушки казались крошечными, точно были нарисованы на картинкѣ. Съ берега ихъ лодка должна была казаться орѣховой скорлупкой, которую гонитъ вѣтромъ по водѣ.

Это полное одиночество сближало ихъ, скрадывая странность встрѣчи и знакомства.

Въ отвѣтъ на простодушный вопросъ своей спутницы молодой человѣкъ въ свою очередь спросилъ, улыбаясь.

— Знаете-ли вы, что называется заметать слѣдъ?

— Нѣтъ, не знаю!

— Ну, такъ и не желаю вамъ когда нибудь это узнать.

Онъ не сталъ объяснять подробнѣе. Онъ чувствовалъ такую усталость, что ему трудно было даже говорить.

— А, понимаю, догадалась дѣвушка. Это значитъ такъ сдѣлать, чтобы васъ труднѣе было нагнать?

Онъ кивнулъ головой.

— Но какъ же вы будете уходить дальше, когда вамъ даже сидѣть трудно? спросила дѣвушка.

— Ничего, я отдыхаю. На томъ берегу я оживу снова.

Она недовѣрчиво посмотрѣла на него и покачала головой.

— Не вѣрите? вотъ увидите.

— Да вѣдь вы больны совсѣмъ, сказала она.

— Ничего. Это пустяки, спокойно сказалъ онъ.

Дѣвушка ничего не отвѣчала и о чемъ-то задумалась, слегка хмуря брови, и ея лицо приняло хорошее смѣлое выраженіе.

— Что это вы не туда правите? сказалъ онъ, замѣтивъ, что она повернула лодку и пустила ее внизъ по теченію.

— Я васъ везу къ себѣ, былъ простой отвѣтъ.

Молодой человѣкъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Что вы? Зачѣмъ? Знаете-ли, что вы дѣлаете? Вѣдь вамъ за это грозитъ....

— Знаю. Ну такъ чтожь? отвѣчала дѣвушка.

Она потупилась, точно чего-то конфузясь и чего-то избѣгая. Но глаза ея блестѣли подъ опущенными рѣс-

ницами. Грудь дышала быстрѣй, и ровный прозрачный румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ. Она очень похорошѣла въ эту минуту.

— Послушайте, да вы наша! шопотомъ проговорилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, поднимая на него честные, довѣрчивые глаза. Развѣ безъ этого нельзя? Я это ради Вани.... Почемъ знать, можетъ и ему придется быть въ такой же нуждѣ, какъ и вамъ. Такъ можетъ ему за меня Богъ пошлетъ кого-нибудь, сказала она съ убѣжденіемъ.

„Милая, простая дѣвушка", не могъ не подумать ея спутникъ. Ему было невыразимо сладко отдаться подъ ея покровительство. Но онъ боролся съ собой.

— Подождите, сказалъ онъ, наклоняясь къ ней и останавливая рукою весло. Вы вѣдь живете не одна. Знаете-ли, чему вы подвергаете всю вашу семью, укрывая меня?

Дѣвушка на минуту опѣшила и задумалась.

— Ничего, сказала она, освобождая весло. Я все возьму на себя. Мои ничего не должны знать. Какъ васъ звать?

Молодой человѣкъ не сразу отвѣтилъ.

— Зачѣмъ вамъ знать мое имя? Ваша вина удесятерится, если вы будете знать, кто я, сказалъ онъ.

— Извините, вы меня не поняли, сказала она. Я знаю отъ Вани, что ваши скрываютъ свои имена. Мнѣ не нужно вашего имени. Скажите, какъ мнѣ васъ называть моимъ? Нельзя же вамъ жить совсѣмъ безъ имени!

Она весело, подѣтски засмѣялась.

— Ну, хорошо. Зовите меня Волгинымъ на память о нашей встрѣчѣ, сказалъ онъ задумчиво. А имя мое Владиміръ, по отцу Петровичъ. Это ужъ мое настоящее, прибавилъ онъ серьезно.

— Значитъ, Владиміръ Петровичъ Волгинъ? Буду помнить. Вы мой знакомый изъ С. Я васъ встрѣтила въ лѣсу и пригласила къ себѣ въ гости. Хорошо такъ? Нѣтъ, поправилась она, что-то вспомнивши. Не въ

лѣсу, а въ Ермиловкѣ, — въ той деревнѣ, что на той сторонѣ. Такъ лучше. Нужно замести слѣдъ.

Она опять засмѣялась.

— Да вы совсѣмъ конспираторъ! сказалъ онъ, улыбаясь ей въ отвѣтъ.

Но она приняла его слова серьезно.

— Нѣтъ, и никогда не буду! отвѣтила она и энергичнѣе налегла на весло.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нее долгимъ и проницательнымъ взглядомъ.

„Не загадывай впередъ, барышня!“ подумалъ онъ про себя съ юношеской самонадѣянностью.

Онъ правду сказалъ ей, что ему стоитъ только отдохнуть нѣсколько минутъ, чтобы ожить снова. Онъ успѣлъ оправиться за дорогу и вмѣстѣ съ физическими силами къ нему вернулись инстинкты вербовщика.

— Ну, вотъ мы и дома! дѣвушка прервала молчаніе.

Она стала заворачивать лодку къ правому берегу.

На крутомъ берегу виднѣлся на половину закрытый зеленью бѣленькій домикъ съ высокой тесовой крышей, какіе бываютъ у помѣщиковъ средней руки. Справа виднѣлся флигелекъ, слѣва сарай, а въ глубинѣ, поднимаясь выше по скату, тянулся обширный фруктовый садъ.

Причаливъ къ берегу, Владиміръ вытащилъ лодку на песокъ, и они стали подниматься по узенькой тропинкѣ къ дому.

Въ передней имъ встрѣтилась старуха въ темной кичкѣ, которая съ удивленіемъ посмотрѣла на незнакомца.

— Няня, что мама встала уже? спросила дѣвушка.

— Какъ же, встали. Кофей кушаютъ. Васъ дожидаются.

— Хорошо. Я сейчасъ. А ты проведи Владиміра Петровича во флигель. Я къ вамъ сію минуту, обратилась она къ послѣднему.

Владиміръ пошелъ за старухою, которая, бормоча что-то себѣ подъ носъ, провела его, куда ей было при-

казано. Переступивъ съ гостемъ порогъ флигеля, старуха перестала ворчать.

— Что вы, батюшка, по дѣлу, или знакомый Катерины Васильевны будете? спросила она, чтобы завести разговоръ.

— Знакомый, односложно отвѣчалъ Владиміръ, и повернулся къ окошку, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ.

Старуха низко поклонилась ему въ спину и ушла, осторожно затворивъ за собой дверь.

Владиміръ осмотрѣлся Флигелекъ состоялъ всего изъ двухъ комнатъ. Въ передней стоялъ умывальный столикъ, нѣсколько деревянныхъ стульевъ работы домашняго плотника и изразцовая печь. Въ задней видна была широкая кушетка, служившая, очевидно, постелью, и маленькій дубовый столикъ. На стѣнѣ висѣло нѣсколько литографій и небольшая этажерка съ книгами.

Дѣвушка въ противность своему обѣщанію не приходила довольно долго. Разговоръ съ матерью, очевидно, затянулся. Владиміръ привелъ себя, насколько могъ, въ порядокъ и вымылъ голову холодной водой. Рана успѣла запечься, и крови больше не показывалось. Дѣвушка все не являлась. Чтобы чѣмъ-нибудь занять время, пока рѣшалась его судьба, онъ подошелъ къ этажеркѣ и вынулъ первую попавшуюся ему подъ руку книгу, раскрывъ ее на удачу. Это оказалась какая-то дѣтская повѣсть. Онъ открылъ первую страницу, чтобы посмотрѣть заглавіе, и увидѣлъ выведенныя четкимъ писарскимъ почеркомъ слова: Дѣвицѣ Екатеринѣ Прозоровой за благонравіе и успѣхи въ наукахъ.

— Прозоровой! Такъ она Прозорова! вскричалъ Владиміръ. И Ваню вспоминала. Такъ, такъ. Теперь понимаю, отчего мнѣ ея лицо показалось знакомымъ. Да нѣтъ, не можетъ быть! Впрочемъ, вотъ, кажется, и она....

Онъ заслышалъ быстрые шаги. Дѣвушка входила въ дверь.

— Мама зоветъ васъ. Пойдемте, сказала она. Я съ ней переговорила.

Онъ поднесъ ей книгу.

— Это ваша? Вы Прозорова? У васъ есть братъ Иванъ?

— Да, да. А что?

— Да мы съ нимъ друзья! сказалъ Владиміръ.

Катя всплеснула руками.

— Какъ? Ваня! Да гдѣ же онъ, что съ нимъ? Живъ? Здоровъ? Мы ужъ годъ какъ отъ него не имѣемъ вѣстей. Вотъ-то мама обрадуется! И какъ это я, глупая, раньше не догадалась васъ спросить! Ну, что же онъ, говорите!

— Я уже три мѣсяца, какъ изъ Петербурга, сказалъ Владиміръ. Передъ отъѣздомъ я съ нимъ видѣлся. Онъ былъ живъ и здоровъ.

— Отчего же онъ не писалъ? удивлялась Катя.

— Ему давно это неудобно, уклончиво отвѣчалъ Владиміръ.

— Ну, идемъ къ мамѣ скорѣй, прервала его Катя. Тамъ все раскроется.

Она быстро отворила дверь и почти бѣгомъ направилась къ дому. Владиміръ съ трудомъ поспѣвалъ за нею.

IV.

Въ столовой онъ засталъ мать, женщину лѣтъ пятидесяти съ буклями, какія носили встарину, очень похожую на дочь, но рыхлую и толстую. Она казалась сильно встревоженной и встрѣтила его строгимъ, внимательнымъ взглядомъ, отъ котораго Владиміръ весь съежился и рѣшилъ, что онъ не пробудетъ въ этомъ домѣ ни часу дольше.

— Мама, вскричала Катя, не давши ей выговорить ни слова, Владиміръ Петровичъ другъ нашего Вани! Онъ намъ отъ него вѣсточку принесъ.

Прозорова разомъ преобразилась. Она радушно протянула руку, усадила его рядомъ, стала осыпать вопросами, на которыя онъ едва успѣвалъ отвѣчать. Позвали няню, которая выняньчила и брата, и сестру. Позвали дворню. Всѣмъ была сообщена радостная вѣсть, что молодой баринъ, котораго они уже считали погибшимъ, благополучно живетъ въ Петербургѣ, и вотъ его пріятель проѣздомъ нарочно завернулъ къ нимъ въ усадьбу, чтобъ объ этомъ сообщить.

Прозорова сама вѣрила этой версіи внезапнаго появленія Владиміра въ ихъ домѣ. Разсказъ дочери, которая дѣйствительно не выдержала конспираціи и разсказала ей все на чистоту, какъ-то самъ собою стушевался. Статочное-ли дѣло, чтобъ другъ Вани и такой приличный молодой человѣкъ, съ такими хорошими манерами, вдругъ прыгалъ съ поѣзда и бѣгалъ отъ какихъ-то полицейскихъ, точно разбойникъ придорожный? Дочка навѣрное подшутила надъ ней, старухой. А то можетъ гость подшутилъ надъ Катей, а та по простотѣ и повѣрила.

Владиміръ сталъ ей дорогимъ гостемъ, котораго она

не знала, куда посадить, чѣмъ попотчивать. Послѣ завтрака онъ заговорилъ, что ему нужно уѣхать, и спросилъ, гдѣ бы достать подводу. Прозорова замахала руками.

— Что вы, батюшка, обидѣть насъ хотите? сказала она. Ничего, почитай, намъ на разсказали, и ужъ уѣзжать собираетесь! Поживите. Когда еще такого гостя дождемся?

— Въ самомъ дѣлѣ, Владиміръ Петровичъ, чего вамъ спѣшить? сдержанно присоединилась къ ней Катя.

Этого полужеланія было достаточно, чтобы заставить его тотчасъ же согласиться. Почему въ самомъ дѣлѣ не остаться нѣсколько дней съ этой милой дѣвушкой и не попытаться завербовать ее? Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ старался объяснить себѣ самому то удовольствіе, съ какимъ онъ принялъ приглашеніе.

Онъ водворился во флигелькѣ, и первые три дня былъ совершенно счастливъ. За столомъ онъ разговаривалъ съ матерью о сынѣ, припоминая всѣ подробности, какія могъ, о его петербургской жизни. Потомъ онъ уходилъ къ себѣ и читалъ, что попадалось подъ руку, а больше прислушивался, не раздастся-ли по песку дорожки знакомый звукъ легкихъ шаговъ. Катя въ первый день была за него въ большой тревогѣ. Она нѣсколько разъ забѣгала къ нему на минутку, какъ будто, чтобы удостовѣриться, цѣлъ-ли онъ, не унесли-ли его жандармы въ трубу. Потомъ она успокоилась и заходила къ нему за-просто, иногда приносила съ собой вышиваніе, и тогда засиживалась подолгу. Она привыкла къ деревенской простотѣ, и послѣ того, какъ узнала о дружбѣ Владиміра съ братомъ, перестала его дичиться и держала себя съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ хорошимъ знакомымъ. Они много говорили о братѣ, и Владиміру не нужно было напрягать память, чтобы говорить съ нею на эту тему. Ей онъ могъ разсказывать о той сторонѣ жизни брата, которая была у нихъ общей и которую одну онъ хорошо зналъ: о его взглядахъ, убѣжденіяхъ и дѣятельности, о чемъ нужно было умал-

чивать при матери. Потомъ разговоръ незамѣтно переходилъ къ ней самой.

— Мы были очень дружны съ Иваномъ, сказалъ онъ ей разъ послѣ обѣда, удивляюсь, какъ это онъ мнѣ о васъ никогда не говорилъ?

— Чего-жь ему было обо мнѣ говорить? сказала она, не поднимая головы отъ вышиванія. Онъ зналъ, что изъ меня ничего не выйдетъ.

— То есть, онъ это думалъ, Владиміръ поправилъ ее. Я всегда замѣчалъ, что родные хуже всего умѣютъ цѣнить другъ друга.

Катя улыбнулась.

— Вы думаете? сказала она, поднимая на него смѣющіеся глаза. А я такъ думаю, что Ваня зналъ меня отлично. Я у него почти на рукахъ выросла. Послѣ отца я вѣдь совсѣмъ маленькой осталась. Конечно, онъ зналъ меня, и то, что онъ обо мнѣ думалъ — правда.

— Если вы такъ говорите, значитъ, вы сами себя не знаете, сказалъ Владиміръ просто и искренно. Посудите сами: что вы сдѣлали для меня, чѣмъ рисковали для меня, чужого, неизвѣстнаго вамъ человѣка! А тутъ вокругъ васъ томится и страдаетъ народъ, который вы знаете и, я увѣренъ, любите. Какъ же я могу повѣрить, чтобы вы не хотѣли ему помочь?

— Да, я часто хожу на деревню и люблю здѣшній народъ. Это правда, сказала она. И вы не думайте, что мы съ мамой только о себѣ заботимся; мы помогаемъ, чѣмъ можемъ, прибавила она потупившись.

— Ахъ, не говорите мнѣ, ради Бога, о филантропіи! воскликнулъ Владиміръ. Развѣ это помощь? Это лишнія крохи отъ сытаго стола.

— Что же слѣдуетъ дѣлать? Роздать все имущество бѣднымъ, какъ Христосъ велѣлъ? спросила дѣвушка безъ малѣйшей ироніи.

— Можно и роздать, коли есть охота! сказалъ Владиміръ. Это не такъ трудно. Да только мало и этого, и не въ этомъ дѣло.

— А въ чемъ же? спросила Катя, вскинувъ на него удивленный взглядъ.

Владиміръ посмотрѣлъ на нее, и его сѣрые глаза загорѣлись.

— Въ томъ, чтобы отречься отъ себя, сказалъ онъ. Не имѣть ни днемъ, ни ночью другой думы, кромѣ блага этихъ вашихъ меньшихъ братьевъ. Душу за нихъ положить! Вотъ это будетъ любовь, это будетъ помощь!

Онъ заговорилъ о народѣ, о его нуждахъ и страданіяхъ, объ его правахъ и возможномъ будущемъ. Говорилъ онъ хорошо, одушевленно. Онъ умѣлъ увлекать. Никогда молодая дѣвушка такихъ рѣчей не слыхала. Братъ высказывалъ ей тѣ же мысли. Но у него это выходило сухо, наставительно: можетъ быть потому, что она привыкла видѣть въ немъ учителя. Этотъ свалившійся съ облаковъ таинственный гость открывалъ ей двери въ какой-то новый, невѣдомый, волшебный міръ. Его рѣчи волновали ее, но не удовлетворяли: въ нихъ было для нея что-то неполное, недосказанное, и она старалась побороть свое волненіе, но не могла. Работа выпала у нея изъ рукъ. Краска залила ея лицо. Притаивъ дыханіе, она слушала.

— Кто-бы не отдалъ жизнь, чтобы всѣ люди стали счастливы! проговорила Катя задумчиво, какъ-бы про себя, когда Владиміръ замолчалъ.

— Что-жь, спокойно сказалъ Владиміръ, путь ясенъ. Мы не увидимъ обѣтованной земли. Но мы идемъ къ ней. Опояшите свои чресла, какъ сказано въ Евангеліи, оставьте домъ и семью и идите къ намъ, къ брату.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, я не пойду къ вамъ. Я не хочу крови, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Мы зовемъ людей не на кровь, а на жертву, отвѣчалъ Владиміръ. Не наша вина, что въ мірѣ ничего не совершается безъ страданій.

— Не то, нѣтъ, не то, и никогда не пойду я съ вами, повторяла дѣвушка. Вотъ вы помянули Евангеліе. По моему, вся правда въ немъ. Нужно, чтобы люди стали такими, какъ Христосъ училъ, и тогда всѣмъ будетъ хорошо на свѣтѣ, и всѣ станутъ жить, какъ братья, и не нужно для этого драться и убивать....

Вотъ видите, мы никогда не сойдемся, закончила она, наклоняясь надъ своей работой.

Ихъ позвали ужинать. Разговоръ на этомъ прекратился. Владиміръ возобновлялъ его не разъ въ слѣдующіе дни, но встрѣтилъ такой упрямый отпоръ, какого не ожидалъ. Катя даже не волновалась болѣе отъ его рѣчей, точно его слова утратили для нея прежнее очарованіе. Возраженія ея стали тверже. Она не была особенно одарена отъ природы, и мысль ея работала медленно и трудно. Но она думала серьезно и добросовѣстно, и продумывала вещи до конца и уже держалась крѣпко. Она, очевидно, внимательно обсудила все, что говорилъ ей ея гость, и даже усвоила себѣ его терминологію и тѣмъ тверже стояла на своемъ.

— Мы расходимся въ путяхъ, былъ ея выводъ.

Она не прибавляла болѣе: „и никогда не сойдемся". Но теперь самому Владиміру эта прибавка показалась бы излишней. Такое упорство тамъ, гдѣ онъ уже собирался торжествовать легкую побѣду, сначала раздражало молодаго революціонера и разочаровывало его въ дѣвушкѣ, которая съ перваго раза такъ поразила его, но потомъ заставило его смириться, и еще болѣе усилило ея обаяніе. Нервный и порывистый самъ, онъ чувствовалъ въ этой молодой дѣвушкѣ твердую, спокойную силу, которой у него не было, и его легко воспламеняемый энтузіазмъ просыпался и принималъ новую форму. Теперь ихъ взаимное положеніе значительно перемѣнилось. Когда она сидѣла у своего интереснаго гостя, то уже не онъ, а она вызывала политическіе разговоры. Онъ ихъ избѣгалъ. Къ чему спорить? Онъ потерялъ надежду ее переубѣдить. Его самоувѣренность исчезла. Онъ впалъ въ уныніе. Иногда они подолгу молчали.

— Что съ вами, спросила его разъ Катя, замѣтивъ въ немъ перемѣну. Вы не здоровы?

— Нѣтъ, я совершенно здоровъ. А что? въ свою очередь спрашивалъ Владиміръ.

— Да что же вы такой....

— Что? Кислый? подсказалъ Владиміръ.

— Ну да, кислый! согласилась Катя.

— Такъ. На меня иногда такой стихъ находитъ, отвѣчалъ онъ.

Ихъ долгіе разговоры и специальная горячая атмосфера, въ которой они провели эти дни, очень ихъ сблизили.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Катя придвинула къ себѣ лампу, чтобы лучше разсмотрѣть трудный узоръ.

— Что это вы вышиваете? спросилъ Владиміръ.

— Такъ, для няни, скороговоркой отвѣтила она. А я такъ думала, сказала она другимъ тономъ, очевидно продолжая собственную мысль, что такіе люди, какъ вы, не должны знать ничего этого.... такого, какъ вамъ сказать.... унылаго. Она затруднялась въ выраженіи. Что вы должны быть всегда бодры и веселы.

— Да?

— У васъ такое дѣло, продолжала Катя. Вы такой смѣлый, сильный.

— Я сильный? скромно сказалъ Владиміръ. Вотъ вы — сильная. Пріѣзжайте къ намъ въ Петербургъ, и вы увидите людей очень сильныхъ. А я силенъ только, когда на меня сходитъ духъ святой. Теперь же онъ меня оставилъ.

Катя съ удивленіемъ смотрѣла на него. Вся его психика была для нея тарабарская грамота. А чего она не понимала, то на нее не дѣйствовало. Она рѣшила, что гостю ея не здоровится и что самое лучшее для него лечь пораньше спать. Она встала, собираясь уходить. Но на лицѣ Владиміра появилось выраженіе такого искренняго, дѣтскаго огорченія, что она сѣла снова. Чтобы развлечь его, она начала разсказывать какіе-то пустяки. Онъ слушалъ надувшись.

Изъ нихъ двоихъ она походила теперь больше на твердаго, спокойнаго мужчину, а онъ — на нервную, впечатлительную женщину.

На другой день, — это было къ концу недѣли, — Катя собиралась идти послѣ обѣда въ деревню и пригласила своего гостя проводить ее. Послѣ перваго пре-

увеличеннаго страха за его безопасность, у нея наступилъ теперь періодъ преувеличенной увѣренности.

Владиміръ, понимавшій лучше ея опасность, отказался. Но когда она ушла, ему сдѣлалось такъ тоскливо, такъ жалко, что онъ не пошелъ съ ней, такъ страшно захотѣлось догнать ее, что онъ изумился и встревожился.

„Неужели же это?"... мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ не рѣшался самому себѣ высказать ясно внезапную догадку. „Да нѣтъ, вздоръ!" подумалъ онъ, тряхнувъ головою. „Просто прижился, привыкъ. Больно ужъ я тутъ засидѣлся!"

Онъ рѣшился уѣхать на другой день.

Вечеромъ, противъ обыкновенія, онъ пошелъ въ домъ къ хозяйкѣ, чтобы провести съ ней вечеръ и распрощаться. Но онъ ушелъ, ничего не сказавши. Катя была такъ мила, а хозяйка такъ радушна, что онъ рѣшилъ отложить отъѣздъ на одинъ день.

„Оно даже безопаснѣе", оправдывался онъ передъ самимъ собою. Послѣ завтра воскресенье, а по праздникамъ всегда слѣдятъ слабѣе".

Но онъ долго не могъ заснуть въ эту ночь и всталъ поздно.

V.

Онъ засталъ хозяекъ въ столовой и по лицамъ ихъ тотчасъ же замѣтилъ, что онѣ о чемъ-то оживленно спорили. На столѣ лежало открытое письмо, написанное крупнымъ и четкимъ мужескимъ почеркомъ.

— Вотъ отъ Павла Александровича письмо пришло, начала Прозорова. Будетъ къ обѣду. Онъ у насъ всѣ праздники проводитъ, пояснила она.

Владиміръ полюбопытствовалъ, кто этотъ Павелъ Александровичъ, котораго онъ не имѣлъ чести знать.

— Крутиковъ, коллежскій совѣтникъ, отвѣчала старуха. Онъ чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Отличный молодой человѣкъ и на виду. Лучшей партіи для моей Кати я и не желаю....

Владиміръ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Онъ мой женихъ. проговорила Катя, потупившись.

У Владиміра рѣзнуло ножомъ по сердцу. Лицо его вытянулось. У Кати есть женихъ, и притомъ чиновникъ! Онъ этого никакъ не ожидалъ.

Прозорова продолжала между тѣмъ перечислять достоинства жениха, и это дало Владиміру время оправиться. „Мнѣ-то что?“ сказалъ онъ самъ себѣ, пожавъ плечомъ.

— Вамъ, вѣроятно, понадобится флигель, проговорилъ онъ угрюмо, когда Прозорова сдѣлала перерывъ. Я еще вчера собирался сказать вамъ, что думаю уѣхать. Такъ позвольте поблагодарить за ваше гостепріимство.

— Совсѣмъ вамъ не зачѣмъ уѣзжать, перебила его Катя, объяснившая его рѣшеніе по своему. Вы можете вполнѣ довѣриться Павлу Александровичу, хоть онъ и чиновникъ. Мнѣ хочется, чтобъ вы съ нимъ познакомились. Онъ хорошій....

— Не сомнѣваюсь, разъ онъ вашъ женихъ, сказалъ Владиміръ, смотря ей въ лицо. Но, право-же, мнѣ нужно ѣхать, и я васъ очень попрошу....

— Пустяки. Вы остаетесь. Я васъ прошу, уговариаала его Катя. Я обижусь, если вы уѣдете.

— Конечно оставайтесь, Владиміръ Петровичъ, сказала Прозорова. Какъ же такъ сразу взять и уѣхать? Да и лошади у насъ не кованы. А Павелъ Александровичъ намъ какъ родной. Онъ любилъ Ваню, хотя, конечно, не одобряетъ его за мечтанія....

— Вовсе не неодобряетъ, вспыхнула Катя. Мнѣ это лучше знать. Я съ нимъ переговорю. Предоставьте это ужъ мнѣ.

Она сильно волновалась, хотя старалась казаться спокойной. Почему-то она чувствовала себя виноватой, что не предупредила Владиміра заранѣе о Павлѣ Александровичѣ, хотя она сдѣлала это безъ всякаго умысла. Какъ-то не подумала. Да и какой Владиміру могъ быть въ томъ интересъ, выходитъ-ли она замужъ и за кого.

Проводивъ его во флигель, она была съ нимъ особенно ласкова и все старалась наверстать потерянное и дать ему понятіе о прекрасныхъ взглядахъ и качествахъ Павла Александровича. Но это ей не удавалось.

„Помпадуръ по послѣдней модѣ!“ рѣшилъ онъ про себя. „И за такого-то человѣка выходитъ такая дѣвушка!“

Онъ слушалъ ее сдержанно, такъ сказать нейтрально, какъ предписывала вѣжливость. Что-то говорило ему, что встрѣча съ этимъ прилизаннымъ бюрократомъ, какимъ онъ мысленно представлялъ его себѣ, не кончится добромъ. Но уклониться отъ нея теперь было бы малодушіемъ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ къ крыльцу подкатилъ экипажъ. Владиміръ слышалъ звукъ колесъ изъ своего флигеля. Но онъ увидѣлъ Крутикова только, когда его позвали къ столу. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, брюнетъ, одѣтый хорошо, но безъ претензіи и вовсе не прилизанный. Густые, черные, какъ смоль, волосы были острижены щеткой. Тяжелый подбородокъ

былъ гладко выбритъ и отливался синевою. Крупныя черты лица были правильны и внушительны, но когда онъ улыбался, то носъ его какъ-то приплющивался, что придавало его лицу плоское, вульгарное выраженіе. Впрочемъ, онъ зналъ за собой этотъ недостатокъ и улыбался рѣдко. Катя представила ихъ другъ другу.

Передъ пріѣздомъ жениха Катя хотѣла сказать ему, кто такой ихъ гость. Но оставшись съ нимъ наединѣ, она ничего ему не сказала и отрекомендовала Владиміра просто какъ друга Вани.

Крутиковъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ. Владиміръ имѣлъ довольно приличный видъ: на другой же день послѣ своего водворенія онъ черезъ прикащика Прозоровой купилъ себѣ изъ города немного бѣлья и нѣкоторыя другія необходимыя вещи. Но во всемъ его обличьи было что-то, сразу заставившее Крутикова причислить его къ той категоріи людей, которыхъ онъ особенно ненавидѣлъ и къ которымъ принадлежалъ его будущій своякъ.

„Одного поля ягода!“ рѣшилъ онъ про себя. „Какъ только онъ сюда попалъ?“

— Въ Петербургѣ изволите проживать? любезно освѣдомился онъ.

— Какъ придется, уклончиво отвѣчалъ Владиміръ. Больше въ Петербургѣ; бываю, впрочемъ, и въ другихъ городахъ.

— Такъ, такъ. По службѣ, значитъ, ѣздить изволите?

— Конечно, по службѣ. А то съ чего бы мыкаться? отвѣчалъ Владиміръ съ едва замѣтной ироніей. Нельзя человѣку безъ службы по нонѣшнимъ временамъ.

Крутиковъ хотѣлъ было спросить гостя, гдѣ онъ служитъ, но удержался. У Владиміра былъ такой явно не служилый видъ, что Крутикову стало очевидно, что онъ либо вретъ, либо смѣется.

— Давно изволили пожаловать въ наши палестины? любезно спросилъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Съ недѣлю, отвѣчалъ Владиміръ.

— Прекрасное время выбрать изволили. Теперь у

насъ на Волгѣ благодать. Вы пароходомъ изволили пріѣхать, осмѣлюсь спросить?

— Нѣтъ, я изволилъ ѣхать по желѣзной дорогѣ, съ усмѣшкой отвѣчалъ Владиміръ.

Его раздражалъ этотъ не формальный допросъ, но вмѣстѣ ему забавно было представить себѣ, какую рожу скорчилъ бы этотъ самодовольный помпадуръ, еслибъ узналъ, какимъ образомъ онъ „изволилъ“ сюда пропутешествовать. Пока онъ, очевидно, ничего не зналъ, и Владиміръ былъ очень благодаренъ за это Катѣ.

Крутикова покоробило отъ шутливаго тона гостя, который онъ считалъ дерзостью. Онъ устремилъ на Владиміра пронизывающій, сыщническій взглядъ.

У него уже нѣсколько времени мелькала въ головѣ догадка, ставшая по немногу увѣренностью, что этотъ жиденькій молодой человѣкъ не кто иной, какъ бѣжавшій съ дороги политическій, котораго такъ усердно разыскивали въ городѣ. Время его появленія и примѣты, все подходило. Но какъ онъ сюда попалъ? Какъ Катя ему ничего не сказала? Неужели она въ заговорѣ противъ него съ этимъ молодцомъ? Или сама ничего не знаетъ?

Онъ рѣшилъ продолжать свой легенькій допросецъ. Но Катя позвала всѣхъ ко столу. Она была все время, какъ на иголкахъ, и воспользовалась первымъ предлогомъ, чтобы прервать разговоръ, грозившій сдѣлаться опаснымъ.

Крутиковъ повелъ свою невѣсту къ столу и сѣлъ съ ней рядомъ. Владиміръ помѣстился насупротивъ съ матерью. За столомъ Крутиковъ разговаривалъ почти одинъ, разсказывая про службу, про губернатора, при чемъ явно хвастался своею близостью къ нему. Старуха Прозорова совсѣмъ таяла, слушая эти разсказы.

Но вдругъ Крутиковъ съ самымъ невиннымъ видомъ спросилъ ее.

— А слышали-ли вы, матушка, новость: у насъ политическій отъ жандармовъ убѣжалъ, выскочивши изъ вагона?

— Какъ же, слышала. Катя мнѣ что-то разсказывала, сказала старуха совершенно просто.

Крутиковъ пересолилъ. Онъ задалъ свой вопросъ такъ небрежно, что онъ только усыпилъ Прозорову, а не встревожилъ.

— Какъ, и вы уже слышали? обратился онъ къ Катѣ съ наивнымъ видомъ.

— Да, слышала, хмуро отвѣчала Катя, вставая изъ-за стола. Идемте пить кофе въ гостиную. Здѣсь душно. Терпѣть не могу, когда за столомъ.... спорятъ, прибавила она, хотя никто въ этотъ разъ не спорилъ.

Крутиковъ посмотрѣлъ на нее съ боку. „Она все знаетъ и въ заговорѣ противъ меня“, стало для него несомнѣнно.

Онъ опѣшилъ и замолчалъ. Въ гостиной онъ сидѣлъ угрюмый; потомъ подошелъ къ своей невѣстѣ и отвелъ ее въ сторону. Они о чемъ-то оживленно стали разговаривать.

„Мирятся!“ рѣшилъ про себя Владиміръ.

Отпивъ свою чашку, онъ ушелъ къ себѣ.

Оставаться долѣе въ этомъ домѣ ему было невыносимо, отвратительно. Нужно уйти, бѣжать сейчасъ, сію минуту. Ему непріятно было уйти, точно тайкомъ отъ Кати. Но она пойметъ. Онъ ей оставитъ письмо.

Тотчасъ же онъ сталъ писать. Письмо ему не понравилось. Онъ его сжегъ. Потомъ написалъ другое и тоже сжегъ, и кончилъ тѣмъ, что оставилъ три строчки:

„Благодарю горячо за все, что вы для меня сдѣлали, и прошу извинить, что вынужденъ покинуть вашъ кровъ, не простившись съ вами“.

Онъ подписалъ: „Вашъ Владиміръ Волгинъ“ и вложилъ эту записку въ ту самую книгу на этажеркѣ, которая такъ помогла ихъ сближенію, и поставилъ ее на полку.

„Если она обо мнѣ вспомнитъ, то догадается, гдѣ искать“, подумалъ онъ. Затѣмъ онъ вышелъ въ садъ, а оттуда черезъ калитку на тропинку, которая вела къ рѣкѣ. Никто его не замѣтилъ. Спустившись внизъ по знакомой тропинкѣ, онъ увидѣлъ пристань и ту самую лодку, въ которой онъ совершилъ свое достопамятное путешествіе.

Какъ недавно все это было, а сколько за это время онъ передумалъ и перечувствовалъ!

Задумчиво онъ пошелъ по дорогѣ, внизъ по рѣкѣ. Все, что произошло за эту недѣлю, было для него прошлымъ, какъ онъ думалъ, невозможнымъ прошлымъ, которое уже окрашивалось нѣжными цвѣтами убѣгающаго воспоминанія.

На заворотѣ дороги онъ остановился и повернулся назадъ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на домикъ, гдѣ жила дѣвушка, которая — теперь онъ готовъ былъ въ этомъ сознаться — заполонила было его сердце и воображеніе. Онъ мысленно прощался съ ней на всегда, какъ вдругъ его окликнулъ знакомый мужской голосъ.

Передъ нимъ стоялъ Крутиковъ подъ руку съ Катей. Они вышли гулять на Волгу и теперь возвращались домой.

— Вотъ и вы тоже гулять вышли, проговорилъ Крутиковъ, улыбаясь своей плоской улыбкой.

Онъ былъ теперь гораздо любезнѣе, чѣмъ за обѣдомъ, въ угоду Катѣ, съ которой у него, очевидно, произошло чистосердечное объясненіе.

— Да, я вышелъ погулять.... вынужденъ былъ сказать Владиміръ.

Онъ посмотрѣлъ на Катю.

— Въ такую прекрасную погоду кто-же можетъ усидѣть дома? сказала она.

Тонкая улыбка чуть-чуть змѣилась на ея губахъ. Но ея глаза и все милое, живое лицо, казалось, искрились и трепетали отъ внутренняго смѣха.

Она тотчасъ догадалась о цѣли Владиміровой прогулки, и эта нечаянная поимка бѣглеца смѣшила ее ужасно.

— Ну что-жъ, хотите продолжать прогулку одинъ и бросить насъ на произволъ судьбы? сказала Катя шутливымъ, ему одному понятнымъ, тономъ.

— Нѣтъ, благодарю, ужъ я погуляю въ другой разъ, отвѣчалъ Владиміръ, улыбаясь ей въ отвѣтъ. А теперь я лучше провожу васъ.

VI.

Они пошли обратно. Въ почтительномъ разстояніи отъ нихъ слѣдовалъ разсыльный съ чернымъ кожанымъ портфелемъ. Онъ только-что прибылъ изъ города съ экстренными бумагами отъ губернатора.

— Вотъ, батюшка, весело сказалъ Крутиковъ, указывая головой въ сторону своего сателита. Не легкое наше дѣло. И въ этомъ мирномъ убѣжищѣ, посвященномъ музамъ и купидону, неуклюже шутилъ онъ, дѣла носятся за нами въ образѣ вотъ этого Гермеса.

Они вошли въ гостиную. Старухи тамъ не было, она еще не спустилась изъ спальни, куда уходила соснуть часокъ послѣ обѣда.

Крутиковъ ушелъ тоже наверхъ, въ свою комнату, разобраться съ бумагами. Катя осталась съ Владиміромъ наединѣ.

-- Ну что, очень вы огорчены тѣмъ, что мы помѣшали вашему бѣгству? со смѣхомъ спросила она.

— Огорченъ, но не очень, отвѣчалъ Владиміръ. Я все равно уйду сегодня ночью, и теперь имѣю возможность лично попрощаться съ вами, Катерина Васильевна.

— И вовсе вамъ нѣтъ надобности такъ спѣшить убѣжать отсюда. Вы безопаснѣе теперь здѣсь, чѣмъ когда-либо. Я все разсказала Павлу Александровичу, и можете быть увѣрены, что вашъ секретъ въ хорошихъ рукахъ.

— Вполнѣ вѣрю и благодарю его за великодушіе, холодно сказалъ Владиміръ. Но все-таки позвольте съ вами распрощаться.

Катя пожала плечами и надулась

— Знаете, что я вамъ скажу? проговорила она послѣ небольшой паузы. Это не хорошо.

— Что не хорошо? Что я не хочу на всю жизнь остаться вашимъ нахлѣбникомъ? капризно сказалъ Владиміръ.

— Нѣтъ, не то.... прервала Катя. Не хорошо, что вы такъ нетерпѣливы. Я вѣдь знаю....

Ее прервалъ Крутиковъ, вошедшій въ эту минуту въ гостинную. Обыкновенно невозмутимое, самодовольное лицо выражало тревогу и какое-то унылое недоумѣніе. Въ рукахъ онъ держалъ открытое письмо.

— Что такое? Что случилось? вскричала Катя.

— Да вотъ извѣстіе пришло насчетъ Вани, неохотно сказалъ Крутиковъ.

— Что-же, говорите скорѣй. Не томите! умоляла его Катя.

— Бѣда стряслась, сказалъ Крутиковъ, хотя, конечно, это нужно было рано или поздно предвидѣть, потому что всѣ эти, какъ тамъ.... мечтанія до добра не доводятъ. Онъ кинулъ искоса взглядъ на Владиміра. Однимъ словомъ, Ваня арестованъ.

Слова эти были, какъ ударъ грома.

Катя вскрикнула и бросилась не къ жениху, а къ Владиміру. Инстинктъ подсказалъ ей, что онъ ближе ей въ этомъ горѣ. Она опустилась на стулъ съ нимъ рядомъ и, припавъ къ спинкѣ, истерически зарыдала.

Владиміръ наклонился надъ ней.

— Успокойтесь, говорилъ онъ. Можетъ быть, все кончится пустяками. Не всякій арестъ означаетъ гибель. Нужно узнать подробности.... Будьте любезны, позвольте взглянуть на письмо, обратился онъ дѣловымъ тономъ къ Крутикову, который, нахмурившись, смотрѣлъ на эту сцену.

— Нѣтъ, я лучше самъ прочту, сказалъ онъ. Это всего нѣсколько строкъ.

„Получено также извѣстіе, началъ онъ, что одинъ изъ дворянъ нашей губерніи, Иванъ Прозоровъ, братъ вашей невѣсты, арестованъ въ Петербургѣ. Это обстоятельство, въ виду вашего отношенія къ семьѣ арестованнаго, не можетъ не огорчить васъ. Но никто не

можетъ быть отвѣтственнымъ“... Крутиковъ пробѣжалъ глазами нѣсколько строкъ. -- Это къ дѣлу не относится, пробормоталъ онъ. „Виновникомъ ареста и гибели молодаго Прозорова, какъ и многихъ другихъ, называютъ нѣкоего Муринова, недостойнаго сына извѣстнаго сенатора, бывшаго когда-то начальникомъ нашей губерніи. Кто-бы могъ подумать....“

— Дальше не интересно, сказалъ Крутиковъ, кладя письмо въ карманъ.

— Ну что? спросила Катя, поднимая на Владиміра взглядъ, полный тоски и ожиданія, какимъ смотрятъ на доктора у постели умирающаго.

Владиміръ былъ блѣденъ, какъ смерть.

Муриновъ — это былъ онъ.

— Нѣтъ надежды? Ваня погибъ? Мы никогда его больше не увидимъ? вскричала Катя, хватая его за руку.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ раздался шумъ, и что-то грузно грохнулось на полъ.

Старуха Прозорова, выспавшись, шла къ гостямъ и сквозь открытую дверь услышала слова дочери.

Старуху унесли въ постель. Катя съ няней хлопотали около нея.

Крутикову нужно было уѣхать въ тотъ же день. Губернаторъ требовалъ его по экстренному дѣлу. Катя вышла на секунду отъ больной и тотчасъ же ушла, такъ что Владиміру одному пришлось провожать ея жениха.

На прощаньи Крутиковъ крѣпко пожималъ ему руку, улыбался своей плоской улыбкой и съ особеннымъ чувствомъ говорилъ:

— До свиданья! Надѣюсь увидѣться съ вами при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Но когда черезъ минуту Владиміръ повернулъ къ нему голову, то поймалъ взглядъ, полный такой ненависти, который сказалъ ему все. Владиміръ уже задавалъ самому себѣ не безъинтересный для него вопросъ: донесетъ на него этотъ только-что оперяющійся помпадуръ или нѣтъ. „Донесетъ“, рѣшилъ онъ въ эту ми-

нуту. Пріятная встрѣча, о которой тотъ говорилъ, значила встрѣча въ тюрьмѣ, у слѣдственнаго стола! Удовольствіе такого свиданія было бы не совсѣмъ обоюднымъ, и Владиміръ рѣшилъ помѣшать ему. Онъ уйдетъ въ эту же ночь. Но прежде ему необходимо во что бы то ни стало повидаться съ Катей. Онъ долженъ сказать ей, кто онъ, и разъяснить ей правду. Они никогда больше не встрѣтятся. Но она можетъ какъ-нибудь узнать, кто онъ. Да и все равно, если даже не узнаетъ, онъ не допуститъ, чтобъ она думала о Владимірѣ Муриновѣ, какъ о виновникѣ гибели ея брата, быть можетъ, предателѣ.

Во всю дорогу до станціи Крутиковъ былъ мраченъ и золъ. Онъ гналъ кучера, бранилъ его и даже толкнулъ кулакомъ въ спину. Его „народолюбіе" относилось только къ массамъ. Съ единичными представителями народа онъ не считалъ нужнымъ церемониться. На душѣ у него скребли кошки. Онъ задавалъ себѣ тотъ же вопросъ, что и Владиміръ, хотя съ другой стороны.

„Донести или не донести?"

Ему, какъ приличному молодому человѣку, было противно выступать въ роли доносчика, да еще на гостя въ домѣ, который онъ на половину считалъ своимъ. Но дѣло шло о Катѣ, о счастьи всей его жизни. Долго-ли сбить съ толку и погубить такую великодушную, экзальтированную дѣвушку, какъ она? Мало-ли было примѣровъ? Между нею и этимъ оборванцемъ уже установилась тѣсная связь, которая его и мучила, и пугала. Она была съ нимъ въ заговорѣ противъ него, своего жениха. Правда, она потомъ призналась ему въ этомъ сама, но теперь онъ вспомнилъ, что она сдѣлала это только послѣ того, когда убѣдилась, что онъ и безъ нея все уже знаетъ. И потомъ эта послѣдняя сцена.... У него все закипало внутри, когда онъ вспоминалъ о ней.... Чѣмъ это можетъ кончиться? Положимъ, этотъ Владиміръ, или какъ его тамъ, скоро уѣдетъ. А если не уѣдетъ самъ, то его ничего не стоитъ спугнуть. Но что помѣшаетъ ему вернуться опять черезъ мѣсяцъ,

другой? Не вѣрнѣе-ли устранить его совсѣмъ? Не обязанъ-ли онъ побороть свою щепетильность во имя долга службы, во имя любви къ Катѣ?

Но что скажетъ на это сама Катя? Какъ посмотритъ на него за такой поступокъ?

Онъ ничего не могъ рѣшить, и это еще больше его злило и раздражало. Такъ онъ доѣхалъ до города. Такъ провелъ онъ весь вечеръ дома и такъ, ничего не рѣшивши, входилъ онъ на другой день въ кабинетъ губернатора.

Въ домикѣ на Волгѣ между тѣмъ царили скорбь и уныніе. Прозорова не оставляла постели, и Катя проводила все время съ матерью. Весь вечеръ въ субботу Владиміръ просидѣлъ внизу, въ столовой, въ надеждѣ увидѣть ее хоть на минуту. Но она не показывалась. Можетъ быть, она нарочно избѣгала его.

Онъ пошелъ къ себѣ во флигель. Передать ей письмо и уйти, не видавшись? Нѣтъ. Этихъ вещей нельзя сдѣлать письменно. Онъ рѣшилъ остаться. Его давешнія опасенія казались ему теперь напрасными. „Не донесетъ, рѣшалъ онъ, потому что онъ знаетъ, что не видать ему Кати, какъ своихъ ушей, если онъ вздумаетъ донести".

Все воскресенье онъ провелъ въ мучительномъ ожиданіи. Катя не показывалась. Послѣ обѣда онъ увидѣлъ ее мелькомъ, когда она спустилась на минуту въ кухню сдѣлать кое-какія распоряженія. Она издали кивнула ему головой и ушла снова наверхъ. Такъ онъ съ ней и не обмѣнялся словомъ.

Время между тѣмъ шло, и съ каждымъ часомъ волненіе его усиливалось. Къ прежнимъ мученіямъ присоединилось теперь новое. Его отвѣтъ на вопросъ о томъ, „донесетъ" или „не донесетъ", принялъ теперь третью и окончательную форму: „донесетъ и сдѣлаетъ это такъ, чтобы Катя ничего не подозрѣвала".

Онъ былъ, какъ на угольяхъ. До послѣдняго часа онъ ждалъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Наконецъ онъ рѣшился написать ей записку, въ которой просилъ свиданія.

Няня спускалась по витой лѣстницѣ съ графиномъ воды.

— Что, какъ барыня? спросилъ Владиміръ.

— Слава Богу, кажись лучше. Теперь уснули.

— Такъ вотъ, когда пойдете назадъ, передайте это барышнѣ.

Онъ подалъ ей маленькую записку, сложенную вчетверо. Старуха посмотрѣла ему въ лицо и неодобрительно покачала головой, однако записку взяла.

Владиміръ писалъ Катѣ: „мнѣ нужно что-то сказать вамъ. Ради Бога, спуститесь ко мнѣ. Я васъ не задержу. Дѣло идетъ о моей жизни, которую вы спасли“.

Перемѣнивъ воду, старуха снова поднялась на верхъ, и черезъ минуту Владиміръ услышалъ по лѣстницѣ Катины шаги.

VII.

Она вошла къ нему добрая, ласковая и дружески пожала ему руку.

— Здравствуйте, сказала она. Мы съ вами такъ давно не видались. Ну, что вы мнѣ хотѣли сказать? Говорите. И отчего вы мнѣ не дали знать раньше, что вамъ такъ нужно меня видѣть? Я бы раньше пришла.

— Я думалъ, я боялся, что вамъ это будетъ непріятно, сказалъ Владиміръ. Мнѣ казалось, что вы меня избѣгаете....

— Мнѣ избѣгать васъ? удивилась Катя. Съ чего же? Вы мнѣ ничего худаго не сдѣлали.

— Не сдѣлалъ, клянусь вамъ, и не сдѣлаю, горячо проговорилъ Владиміръ, но меня обвиняютъ передъ вами, будто я уже сдѣлалъ....

— Васъ? Не понимаю. Кто же васъ въ чемъ обвиняетъ? спросила Катя.

— Вы помните письмо, что читалось вчера?

— Ну такъ чтожъ?

— Помните тамъ имя Мурипова?

На лицѣ Кати появилась непріятная гримаса.

— Того, кто Ваню подвелъ, или выдалъ тамъ, что-ли? спросила она.

— Того, кого подлымъ образомъ въ этомъ обвиняютъ передъ вами! воскликнулъ Владиміръ. Мурииовъ — это я.

— Вы? вскричала Катя, невольно смѣривая его какимъ-то особымъ взглядомъ.

— Да, я! повторилъ Владиміръ. И мнѣ слишкомъ тяжело было уйти, не смывши съ себя обвиненія въ томъ, будто я былъ причиной поразившаго васъ несчастія. Я привлекъ вашего брата въ наши ряды, это правда, и горжусь этимъ. Но въ гибели его нѣтъ моей вины, ни вольной, ни невольной.

Онъ прямо и довѣрчиво смотрѣлъ ей въ лицо и ожидалъ отвѣта. Но она медлила. Нахмуривъ отъ напряженія мысли брови, она думала.

— Развѣ привлекши его, вы тѣмъ самымъ не приготовили ему гибели? сказала она, поднимая на него твердый взглядъ.

Онъ не смутился отъ этого взгляда, и огонь сверкнулъ въ глубинѣ его сѣрыхъ глазъ.

— Мы всѣ на гибель идемъ, Катя.... Катерина Васильевна, поправился онъ, и идемъ съ открытыми глазами. Онъ, я, всѣ.... И въ этомъ наша сила. Въ этомъ обаяніе и величіе нашего призванія, въ этомъ залогъ нашего торжества, продолжалъ онъ съ растущимъ одушевленіемъ.

Катя слушала. Чѣмъ-то горячимъ, роднымъ повѣяло на нее отъ этихъ словъ. Она вспоминала о своихъ христіанскихъ мученикахъ.

— Я понимаю васъ, прошептала она, и.... не сержусь на васъ. Да только развѣ отъ этого легче? Все-таки, Ваня у насъ больше нѣтъ. Я думала, послѣ того, что вы намъ сказали, что онъ воскресъ для насъ. А вмѣсто того....

Она безнадежно опустила голову. На глазахъ ея блистали слезы.

— Полноте! сказалъ Владиміръ, подходя къ ней ближе. Зачѣмъ отчаяваться? Это я васъ разстроилъ. Простите меня. Я говорилъ вообще, а не по отношенію къ брату. Арестъ не значитъ еще гибель. Я знаю отлично прошлое вашего брата. За нимъ ничего нѣтъ, рѣшительно ничего нѣтъ, что грозило бы ему больше, чѣмъ Сибирью. А изъ Сибири — ахъ, какъ это мнѣ не пришло въ голову сказать вамъ раньше! — изъ Сибири люди бѣгутъ! Да, бѣгутъ! Онъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Послушайте, Катя, что я вамъ скажу, заговорилъ онъ, останавливаясь передъ нею. У меня есть друзья. Я самъ кое-что могу. Такъ вотъ, даю вамъ клятву, что я ни передъ чѣмъ не остановлюсь, что отнынѣ я

сдѣлаю цѣлью своей жизни возвратить вамъ вашего брата. Вѣрите вы мнѣ?

— Вѣрю, вѣрю! повторяла Катя, вся сіяя отъ внезапно проснувшейся въ ней надежды. Какое это было бы счастье! О, какъ я вамъ безгранично благодарна!..

— Не благодарите, нѣтъ! говорилъ Владиміръ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Вы не знаете, чѣмъ вы для меня стали! Чего бы я не сдѣлалъ, чтобы осушить одну вашу слезу, вызвать на вашихъ губахъ одну улыбку! Служить вамъ... Боже! это такое счастье....

Онъ вдругъ остановился. Признаніе это вырвалось у него само собой, и онъ опомнился, когда было уже поздно.

Нѣсколько минутъ оба молчали. Владиміръ дрожащей рукой провелъ себѣ по лбу.

— Простите, заговорилъ онъ, что я сказалъ это вамъ, невѣстѣ другого. Ну, да все равно. Мы, вѣроятно, никогда больше не увидимся. Но знайте, что чувства болѣе чистаго и высокаго вы не внушили ни одному человѣку. А теперь прощайте.

Онъ крѣпко стиснулъ протянутую ему руку и вышелъ.

Катя осталась одна. Она была удивлена, поражена. Ничего подобнаго она не ожидала. Сердце ея молчало. Но на душѣ ея было свѣтло, какъ въ праздникъ. Когда она поднималась па верхъ, ея поступь была легка, точно она шла не по землѣ, а плыла по воздуху, и лицо ея сіяло, когда она входила въ спальню матери. Есть что-то обаятельное, чарующее въ внезапномъ откровеніи свѣжей, молодой души, и, не отвѣчая на признаніе, сердце Кати волновалось и ликовало.

Больная крѣпко спала. Единственная свѣча тускло освѣщала комнату. У изголовья сидѣла няня съ чулкомъ въ рукахъ. Она устремила на дѣвушку пытливый старческій взглядъ, въ которомъ былъ и вопросъ, и тревога.

Катя, ничего не говоря, подошла и поцѣловала ее прямо въ старыя губы.

— Охъ ты, пташечка моя родная, сказала старуха, гладя морщинистой рукой ея русую головку. То-то

вижу я, пташечка моя больно часто повадилась во флигелекъ летать. Ну чтожъ? На все Божья воля. Суженаго, видно, конемъ не объѣдешь.

— Нѣтъ, няня, сказала Катя, кладя ей голову на плечо. Нѣтъ, не то. Онъ не суженый мнѣ, няня.

Грохотъ остановившагося у подъѣзда экипажа заставилъ ее вскочить и быстро подойти къ окошку. Что бы это могло быть? У крыльца стояли двѣ телѣги. Въ нихъ сидѣли люди съ фонарями, которые быстро соскакивали на землю и оцѣпляли домъ. Боже! Это были жандармы!

— Няня! вскричала Катя, блѣдная какъ смерть, бросаясь къ старухѣ. По его душу пришли. Бѣги къ нему, спрячь, спаси! Скорѣй, скорѣй, милая! Я задержу ихъ въ домѣ.

Старуха, забывъ года, стремглавъ сбѣжала внизъ. Катя едва поспѣвала за ней.

Въ прихожей раздался рѣзкій, повелительный звонокъ.

Катя бросилась къ двери и торопливо отперла, чтобъ прекратить шумъ.

Вошелъ молодой жандармскій офицеръ въ сопровожденіи прокурора въ штатскомъ платьи.

— Тише. Въ домѣ больная, встрѣтила ихъ Катя.

— Извините, сударыня, что обезпокоили, сказалъ прокуроръ, вѣжливо раскланиваясь. Долгъ службы.

Онъ былъ знакомъ съ Крутиковымъ и къ тому же у него были спеціальныя инструкціи отъ губернатора, который приказалъ по возможности щадить будущихъ родственниковъ своего любимца.

— Что вамъ угодно? спросила Катя.

— По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, въ вашемъ домѣ скрывается бѣжавшій государственный преступникъ.

— Вы говорите о нашемъ гостѣ, Владимірѣ Петровичѣ Волгинѣ? Мнѣ ничего не извѣстно о его преступности, сказала Катя.

— Не сомнѣваюсь въ томъ, сударыня, поспѣшилъ сказать прокуроръ, хотя въ душѣ онъ не сомнѣвался въ совершенно противномъ. Мы рѣшительно ничего не

имѣемъ противъ вашего семейства. Но намъ приказано арестовать господина, именующаго себя Волгинымъ.

— Но его нѣтъ въ этомъ домѣ, твердо сказала Катя.

— Нѣтъ? Куда же онъ могъ дѣваться? спросилъ прокуроръ съ усмѣшкой.

— Онъ внезапно ушелъ, сказалъ Катя.

— Когда же, позвольте полюбопытствовать?

— Вчера послѣ обѣда, отвѣчала Катя, вспомнивъ попытку Владиміра бѣжать изъ ихъ дома.

„Ахъ, зачѣмъ мы тогда его встрѣтили!“ мелькнуло у нея въ головѣ позднее раскаяніе.

— Такъ-таки и ушелъ, не сказавшись? иронически спрашивалъ прокуроръ.

— Такъ-таки не сказавшись, подтвердила Катя.

— Странные повелись теперь гости у людей! не могъ удержаться прокуроръ отъ язвительнаго замѣчанія. Мнѣ очень жаль, прибавилъ онъ, принимая снова серьезный тонъ, но я долженъ произвести обыскъ.

— Есть у васъ предписаніе? спросила Катя.

— Это совершенно излишнее, строго сказалъ прокуроръ. Онъ хотѣлъ прибавить въ видѣ предупрежденія что-то еще болѣе строгое и внушительное, но раздумалъ. Впрочемъ, проговорилъ онъ, обращаясь къ своему товарищу, Иванъ Ивановичъ, не захватили-ли вы съ собой бумагу?

Жандармскій офицеръ вынулъ изъ боковаго кармана сложенный вчетверо большой листъ и подалъ его Катѣ. Та развернула и принялась читать, или вѣрнѣе держать его передъ глазами, потому что отъ волненія она не могла разобрать ни одного слова.

Прокурору наскучило ждать.

— Извините, замѣтилъ онъ язвительно, почеркъ у нашего писаря, повидимому, не очень разборчивъ, а намъ некогда ждать. Такъ ужъ вы позвольте мнѣ покамѣсть пройтись по комнатамъ.

Катя повела его по дому.

Во флигелѣ тѣмъ временемъ происходила сцена иного рода.

Заслышавъ подъѣхавшій экипажъ, Владиміръ тоже

бросился къ окну и при свѣтѣ фонарей узналъ жандармовъ.

— Донесъ таки, мерзавецъ! выругался онъ.

Первой его мыслью было броситься въ садъ, а оттуда перескочить въ лѣсъ и скрыться. Но въ окно онъ увидѣлъ, какъ двое жандармовъ бѣгомъ обходили уже домъ. Отступленіе было отрѣзано. Онъ былъ окруженъ, какъ затравленный звѣрь.

„Пробьюсь", рѣшилъ онъ и бросился къ двери, чтобы схватить на дворѣ топоръ, ломъ, дубину, — какое попадется орудіе. Но на порогѣ онъ столкнулся и чуть не сбилъ съ ногъ няню, которая, запыхавшись, бѣжала къ нему.

— Батюшка, барышня велѣли тебѣ кланяться и приказали сказать, что по твою, баринъ, душу пришли.

— Знаю, знаю. Ну?

— Велѣли мнѣ барышня спрятать куда ни есть твою милость. Такъ пойдемъ, коли изволишь, я тебя запру въ кладовую.

— Спасибо, бабушка, сказалъ Владиміръ, да только полѣзутъ они искать меня и въ кладовую.

— Ну, такъ въ чуланъ.

— Полѣзутъ и въ чуланъ.

— Ну, такъ на сѣновалъ. Въ сѣно.

— Полѣзутъ и туда и все сѣно перетрусятъ и палашами перетыкаютъ.

Старуха безнадежно развела руками.

— Господи владыко! Этакіе изверги! Палашами. Какъ есть, тебя откроютъ. Куда же велишь мнѣ тебя спрятать, батюшка? Ты не наперстокъ: въ карманъ тебя не положишь.

— Да, почитай, что некуда, бабушка, сказалъ Владиміръ. А впрочемъ, что у васъ тутъ на верху? спросилъ онъ, указывая рукою.

На досчатомъ потолкѣ въ углу надъ постелью виднѣлась поперечная щель траппа съ маленькимъ ввинченнымъ кольцомъ, служившимъ ручкою.

— Тамъ, батюшка, чердакъ, — боченки съ сушеными яблоками держимъ.

— Ну, такъ я спрячусь туда.

Онъ поставилъ на кушетку столикъ, на столикъ онъ поставилъ стулъ и, отворивъ траппъ, быстро скользнулъ въ его черную пасть.

Наклонивъ голову внизъ, онъ сказалъ старухѣ, чтобъ она поставила стулъ и столъ на прежнее мѣсто и привела въ порядокъ постель, чтобъ не видно было, что на ней что-нибудь стояло. Потомъ онъ обвелъ глазами всю комнату и увидѣлъ въ углу свою шляпу.

— Дай-ко ее сюда, бабушка, сказалъ онъ. Хорошо, что замѣтилъ.

Старуха надѣла шляпу на ручку половой щетки и подала ему ее наверхъ.

Владиміръ юркнулъ наверхъ и осторожно опустилъ за собою траппъ. Онъ все предусмотрѣлъ. Но забылъ главное: онъ не отвинтилъ колечка, служившаго траппу ручкою, что сдѣлало бы траппъ неузнаваемымъ.

Няня въ точности исполнила наставленія молодаго барина. Она отнесла стулъ въ переднюю комнату и поставила на мѣсто столъ. Когда она подошла, чтобъ поправить постель, ее осѣнила счастливая мысль.

— Семъ-ко я лягу сама, точно я живу здѣсь. Авось они, злодѣи, не пойдутъ искать нашего молодаго сокола у древней старухи.

Она проворно разулась, сняла верхнее платье, потушила свѣчку, легла подъ одѣяло и стала ждать непрошенныхъ гостей.

Ей пришлось ждать довольно долго. Прокуроръ внимательно осматривалъ всѣ углы и закоулки въ домѣ. Катя пыталась не допустить его въ спальню матери, но онъ настоялъ, пригрозивъ, что вынужденъ будетъ войти насильно. Онъ обѣщалъ, однако, не безпокоить больную и вошелъ въ комнату одинъ, оставивъ жандарма за дверью.

— Катя, это ты? спросила сквозь сонъ мать.

— Да, мама, это я. Спите! сказала дѣвушка.

— Что это, я какъ будто звонокъ внизу слышала? продолжала больная.

— Ничего. Это лекарство принесли. Спите, мама! уговаривала ее Катя.

Прокуроръ между тѣмъ осматривалъ комнату. Въ ней не было ничего подозрительнаго. Онъ заглянулъ въ шкапъ, но ничего, кромѣ женскихъ юбокъ и платья, тамъ не увидѣлъ. Онъ внимательно осмотрѣлъ кровать, на которой подъ тонкимъ ватнымъ одѣяломъ лежала больная. Нагнувшись, онъ отдернулъ кисею и посмотрѣлъ подъ кровать, но и тамъ онъ не увидѣлъ преступника. Въ углу стоялъ большой старинный сундукъ. Знакомъ онъ приказалъ его открыть. Но и тамъ преступника не оказалось.

Онъ молча вышелъ и спустился внизъ. Катя шла за нимъ.

— Теперь пойдемте во флигель, сказалъ онъ жандармскому офицеру. Прикажите принести фонарь.

Явился унтеръ-офицеръ съ фонаремъ, и они отправились втроемъ черезъ темный дворъ.

Катя пошла за ними.

Она знала, что Владиміръ долженъ быть тамъ, потому что ему негдѣ было спрятаться: все было такъ внимательно обыскано. Она предвидѣла нѣчто ужасное. Но не идти не могла: оставаться и ждать было еще ужаснѣе.

Жандармъ растолкалъ няню, которая притворялась спящей, а, можетъ быть, и взаправду заснула.

— Что такое, что нужно? бормотала она.

— Вставай, одѣвайся.

Старуха повиновалась.

Флигель былъ осмотрѣнъ. Преступника тамъ не было.

Прокуроръ начиналъ терять терпѣніе. Онъ обмѣнялся нѣсколькими словами со своимъ товарищемъ.

— Нужно допросить эту старую коргу, сказалъ онъ.

— Слушай, обратился онъ къ старухѣ. Смотри мнѣ прямо въ глаза.

— Чего смотрѣть, и такъ вижу! огрызнулась няня.

— Не разговаривать! крикнулъ прокуроръ. Отвѣчай: гдѣ тотъ молодой баринъ, что къ вамъ сюда пришелъ въ прошлый понедѣльникъ?

— Мнѣ почемъ знать барскія дѣла? Мое дѣло подначальное. Пришелъ и ушелъ, стало быть, коли нѣту.

— Слушай, хоть ты и старуха.... грозно началъ прокуроръ.

Жандармскій офицеръ тронулъ его въ эту минуту за плечо и указалъ глазами на кольцо, висѣвшее на потолкѣ.

Катя посмотрѣла туда же, и холодный потъ выступилъ у нея на лбу.

„Онъ тамъ навѣрное", подумала она.

— Ахъ да, это правда! весело сказалъ прокуроръ. Затѣмъ, обращаясь къ Катѣ, онъ прибавилъ: позвольте, пожалуйста, лѣстницу. Тамъ я видѣлъ у васъ въ чуланѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчала Катя, ни жива, ни мертва.

Офицеръ съ солдатомъ вышли и вернулись черезъ минуту съ маленькой комнатной лѣстницей и приставили ее къ стѣнѣ.

Жандармскій офицеръ, которому принадлежала честь открытія траппа, полѣзъ по ней съ фонаремъ въ рукѣ. Лѣстница была нѣсколько коротка, а онъ былъ малъ ростомъ. Желая подняться выше, онъ ступилъ ногою на верхнюю полку этажерки, которая висѣла на стѣнѣ тутъ же слѣва. Но гвозди не выдержали, и этажерка, книги, жандармъ и лѣстница, все полетѣло на полъ.

Жандармъ чуть не упалъ на спину прокурору, который нагнулся, чтобы поднять съ земли сложенный вдвое листокъ почтовой бумаги, вывалившійся изъ одной изъ книгъ при паденіи.

То было прощальное письмо, которое Владиміръ оставилъ Катѣ наканунѣ, собираясь уходить, и потомъ забылъ уничтожить.

Прокуроръ прочелъ его и отъ досады помянулъ чорта. Добыча ускользнула отъ него передъ самымъ носомъ.

— Что такое? спросилъ его достойный товарищъ.

— А вотъ читайте.

Жандармъ взялъ записку.

Сомнѣваться было невозможно. Внизу стояло число и подпись: Владиміръ Волгинъ. На заголовкѣ: Екатеринѣ Васильевнѣ Прозоровой. Происхожденіе записки было ясно, и оно подтвердило вполнѣ показанія, случайно вырвавшіяся у Кати.

— Вамъ, вѣроятно, пріятно будетъ, ехидничалъ прокуроръ, обращаясь къ Катѣ, узнать о признательныхъ чувствахъ къ вамъ вашего протеже.

Онъ подалъ ей записку.

Катя прочла, ничего не понимая. Одно она чувствовала: что произошелъ какой-то кризисъ, и что дѣла Владиміра какимъ-то чудомъ поправляются.

— Вы мнѣ позвольте этотъ документикъ обратно, сказалъ прокуроръ. Мы должны пріобщить его къ дѣлу. Я думаю, обратился онъ къ жандарму, продолжать долѣе обыскъ и допрашивать остальную прислугу — безполезно.

Тотъ съ нимъ согласился.

Владиміръ былъ спасенъ.

Тутъ же былъ составленъ краткій протоколъ, что по показаніямъ хозяйки дома и няньки, крестьянки такой-то, и по найденной послѣ запискѣ оказалось, что неизвѣстнаго званія человѣкъ, проживавшій подъ именемъ Владиміра Волгина, скрылся, неизвѣстно куда, наканунѣ обыска.

Катя подписала, не читая. Она все еще не могла придти въ себя.

Черезъ нѣсколько минутъ телѣги застучали снова у подъѣзда. Жандармы уѣхали.

VIII.

Когда звукъ ихъ колесъ замолкъ вдали, няня приподняла ручкой метлы крышку траппа и крикнула Владиміру:

— Выходи, баринъ, уѣхали!

Въ отверстіи показалось улыбающееся лицо молодаго человѣка. Сверху ему все было слышно. Повиснувъ на кольцахъ, онъ соскочилъ внизъ.

— Ну, счастливъ твой Богъ, баринъ! сказала няня. Ты, видно, въ сорочкѣ родился.

— Въ сорочкѣ, бабушка! согласился Владимръ, продолжая улыбаться. А гдѣ же твоя барышня?

Кати не было въ комнатѣ.

— Къ себѣ ушла, отвѣчала няня. Велѣла тебѣ дожидаться.

Черезъ четверть часа вошла Катя. Она была одѣта по дорожнему, въ шляпкѣ, синемъ суконномъ платьѣ и коротенькой безрукавкѣ. Въ рукахъ у нея было легкое мужское пальто, мужская дорожная фуражка и маленькій ручной чемоданъ.

— Вамъ нельзя здѣсь оставаться ни минуты болѣе, сказала она. Но я думаю, вамъ лучше немного перемѣнить видъ, чтобъ васъ нельзя было узнать по костюму. Я принесла вамъ братнино пальто и фуражку. Вы съ нимъ почти одного роста. Да вотъ возьмите чемоданчикъ: это придастъ вамъ болѣе дорожный видъ.

— Это хорошо, спасибо. Я ухожу сію минуту.

— Нѣтъ, вамъ нельзя идти пѣшкомъ. Изъ города пароходъ уходитъ рано утромъ, а теперь ужъ часъ ночи. Она посмотрѣла на маленькіе серебряные часы, висѣвшіе у нея на поясѣ. Вы туда не доберетесь вовремя. Идите за мной.

— Прощай, няня! обратилась она къ старухѣ. Присмотри за мамой. Если спроситъ меня, скажи, что я поѣхала за докторомъ.

— Прощай, моя пташечка. Ужъ будь покойна. Догляжу. Прощай и ты, баринъ.

— Прощай, бабушка, спасибо тебѣ! сказалъ Владиміръ.

Они вышли. Катя повела Владиміра къ сторожкѣ, куда запиралась на ночь лодка. Они спустили ее на воду. Катя взяла пару веселъ.

— Намъ нужно гнать, что есть силы, чтобы попасть во-время, сказала она.

Они направили лодку на середину рѣки и пустили ее стрѣлою внизъ по теченію. Ночь была ясная, безлунная. Тысячи звѣздъ смотрѣли на нихъ изъ темносиней высоты. Далекіе берега съ деревнями, церквами, рощами медленно уплывали отъ нихъ, погружаясь въ туманную мглу. Мѣрно въ тактъ ударяя веслами, они неслись.

Когда они прибыли къ городку, гдѣ приставалъ пароходъ, было пять часовъ. Пароходъ отходилъ въ шесть безъ четверти.

Катя постучалась къ знакомому рыбаку и сдала ему лодку, которую онъ долженъ былъ доставить обратно. Они пошли по пустыннымъ улицамъ къ пристани, почти не разговаривая дорогою. Катя была утомлена и разбита долгой греблей и волненіями прошлой ночи. Владиміръ былъ сдержанъ и молчаливъ. На душѣ у него залегла тяжесть, которую даже счастье снова возвращенной свободы не могло совершенно облегчить. Онъ не сомнѣвался ни минуты, что Крутиковъ на него донесъ. И Катя будетъ его женою!

Катя первая прервала молчаніе.

— Послушайте, сказала она, когда вы пріѣдете въ Петербургъ, не можете-ли вы какъ-нибудь дать мнѣ знать, что вы прибыли благополучно?

— Хорошо, благодарю васъ, сказалъ Владиміръ. Только едва-ли это необходимо. Если меня сторожатъ и арестуютъ на пристани, вы это сами увидите. А если нѣтъ, то можете считать меня въ безопасности. Я доѣду

на пароходѣ до Нижняго, а оттуда ничего не стоитъ добраться до Петербурга.

— Нѣтъ, всетаки дайте знать, настаивала Катя.

— Хорошо, сказалъ Владиміръ. Писать мнѣ къ вамъ, конечно, невозможно. Но мы сдѣлаемъ вотъ что. Скажите, сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать два, отвѣчала Катя, нѣсколько удивленная такимъ приступомъ.

— Ну такъ вотъ, двадцать втораго, числа вашихъ лѣтъ, я напечатаю въ вашей газетѣ какое-нибудь дутое объявленіе, скажемъ, объ урокахъ испанскаго и португальскаго языка и дамъ дутый адрессъ, гдѣ опять же будетъ двадцать два, число вашихъ лѣтъ. Ну, вы и будете ужъ знать, что я въ Петербургѣ.

Катя подивилась легкости и простотѣ его плана и сказала, что будетъ ждать двадцать втораго.

— Мнѣ тоже нужно о чемъ-то васъ попросить, Катерина Васильевна, сказалъ Владиміръ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Ну что, скажите.

— Помните нашъ вчерашній разговоръ насчетъ вашего брата?

— Еще бы! Конечно помню, сказала Катя.

— Можете быть увѣрены, что и я его не забуду. Но только дайте мнѣ слово, что вы ни одной живой душѣ не скажете о моемъ намѣреніи. Вы понимаете, что это — не моя прихоть: все въ этихъ дѣлахъ зависитъ отъ сохраненія тайны. И я не о себѣ только хлопочу.

— Извольте, даю, сказала Катя. Ни одной живой душѣ, кромѣ, конечно, мамы.

— Нѣтъ, и ей я хочу, чтобъ вы ничего не говорили.

— Какъ? Не сказать мамѣ? удивилась Катя. Какая можетъ быть опасность отъ того, что мама будетъ знать? А это дало бы лучъ надежды.

— Такъ, согласился Владиміръ. Но она можетъ сказать объ этомъ, да и навѣрное скажетъ кому-нибудь еще....

Владиміръ не хотѣлъ договаривать до конца. Ему было слишкомъ тяжело обличать передъ Катей ея же

жениха. Но чуткое ухо дѣвушки тотчасъ уловило какую-то особую нотку въ его голосѣ.

— Что вы этимъ хотите сказать? Кого вы имѣете въ виду? спросила она, вспыхнувъ.

Владиміръ молчалъ.

— Чего вы молчите? Вы кого-то имѣете въ виду. Такъ говорите-же прямо. Такихъ вещей нельзя говорить безъ основанія, слышите? настаивала Катя, волнуясь все болѣе и болѣе.

— Чего же мнѣ говорить? Вы сами догадываетесь, сказалъ Владиміръ, смотря въ сторону.

— Павла Александровича, да? съ негодованіемъ вскричала Катя. И вамъ это не стыдно! Потому что онъ другихъ съ вами взглядовъ, что онъ чиновникъ, — вы готовы заподозрить его....

— Нѣтъ, не потому, спокойно отвѣчалъ Владиміръ.

— Такъ почему же? Говорите. Я требую.

— Какъ вы думаете, сказалъ Владиміръ, смотря ей въ лицо, кому мы обязаны вчерашнимъ визитомъ? Кто могъ знать?...

— Неправда, это неправда: этого не можетъ быть! Я вамъ запрещаю, слышите-ли, запрещаю повторять эту клевету, проговорила Катя, задыхаясь отъ гнѣва.

— Я радъ бы ошибиться, сказалъ Владиміръ. Я былъ бы счастливъ, еслибъ я дѣйствительно ошибся. Но....

— Нѣтъ, нѣтъ! Говорятъ вамъ, нѣтъ! почти кричала Катя. Замолчите.

Владиміръ пожалъ плечами и замолчалъ. Они не обмѣнялись ни словомъ до самой минуты разставанія.

На пристани никого не было, кромѣ двухъ старухъ-богомолокъ, ѣхавшихъ къ Макарію. Владиміръ благополучно взялъ билетъ и съ чемоданомъ въ рукѣ ждалъ спуска мостковъ.

— Не поминайте лихомъ, Катерина Васильевна, сказалъ онъ въ полъ-голоса, и простите мнѣ всѣ мои прегрѣшенія — невольныя, пояснилъ онъ, потому что вольныхъ у меня противъ васъ быть не можетъ.

Катя досадливо махнула рукой.

Она оставалась на пристани, какъ солдатъ на посту, пока пароходъ не ушелъ, потомъ она, не оглядываясь, пошла въ городокъ, наняла, не торопясь, повозку и поѣхала домой, сама не своя. Въ душу ея было брошено страшное сомнѣніе. Лишь только она осталась сама съ собою, ея твердое убѣжденіе въ невинности ея жениха поколебалось. Улики были всѣ противъ него. Къ тому же она припомнила нѣкоторыя его слова и выраженія, которыя до сихъ поръ она пропускала мимо ушей. Онъ не рѣшался при ней бранить Ваню, но онъ ненавидѣлъ всѣхъ такихъ, какъ онъ, и считалъ ихъ чуть не личными врагами, съ которыми нечего было шутить и церемониться. Вообще онъ съ врагами не церемонился, она это знала. Подъѣзжая къ дому, она увидѣла конюха, проводившаго знакомаго ей верховаго коня, который былъ весь въ поту и мылѣ.

Въ прихожей ее встрѣтилъ Крутиковъ, который только-что прискакалъ изъ города.

— А, наконецъ-то! воскликнулъ онъ. Я ужъ думалъ, что никогда тебя больше не увижу.

Онъ говорилъ въ шутливомъ тонѣ, но внезапное исчезновеніе Кати вмѣстѣ съ Владиміромъ — онъ узналъ обо всемъ отъ няни — встревожило его взаправду.

Катя холодно пожала ему руку. Они вошли въ столовую.

— Ты ѣздила провожать этого странствующаго рыцаря на пароходъ? спросилъ Крутиковъ, улыбаясь.

Катю всю передернуло.

— Ну да, ѣздила провожать, сказала она рѣзко. Можетъ быть на пароходъ, можетъ быть на желѣзную дорогу. Вамъ зачѣмъ это знать?

Она подняла на него такой ледяной, враждебный взглядъ, что онъ оторопѣлъ.

Онъ готовился поговорить съ ней строго и внушительно и выставить ей на видъ неосторожность, чтобъ не сказать болѣе, явнаго укрывательства обличеннаго государственнаго преступника. Но слова замерли у него на губахъ.

— Катя, что съ тобой? Что это за тонъ? Чего ты разсердилась? проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Уйдите отъ меня, оставьте меня! Я не могу васъ видѣть! повторяла Катя съ лицомъ, на которомъ горѣла краска стыда и волненія.

— Да что же это значитъ? Объясни же наконецъ! Что я противъ тебя сдѣлалъ? говорилъ Крутиковъ растерянно.

Онъ полюбилъ эту дѣвушку, какъ люди, помятые жизнью и не совсѣмъ чистые, любятъ существа высокія и идеальныя, которыя, отдавши имъ себя, возвращаютъ имъ лучшую часть ихъ самихъ. Но Катя приняла волненіе своего жениха за новую и послѣднюю улику.

— И вы еще спрашиваете? Вы хотите, чтобъ я назвала вамъ вашъ поступокъ по имени? Но мнѣ стыдно, стыдно! Стыдно за васъ и за себя....

Она не могла продолжать. Слезы горькой обиды душили ее. Закрывъ лицо руками, она припала къ столу, стараясь подавить рыданія.

Крутиковъ понялъ.

— Вы думаете, что я.... донесъ на этого.... Владиміра, сказалъ онъ. Но вы ошибаетесь....

Катя быстро подняла на него глаза.

— Какъ? проговорила она, не смѣя еще вѣрить.

— Я только сегодня узналъ объ обыскѣ въ вашемъ домѣ, продолжалъ Крутиковъ. Мѣстопребываніе вашего гостя было открыто полиціей случайно. Машинистъ товарнаго поѣзда видѣлъ человѣка, лежащаго у самой линіи, который бросился бѣжать, когда поѣздъ проѣзжалъ мимо. Объ этомъ прознала полиція и явилась на мѣсто производить слѣдствіе. Оказалось, что двое пастуховъ видѣли прохожаго, искавшаго подводу. Въ лѣсу, примыкающемъ къ вашему дому, нашли его сумку. Этого было достаточно. Ваша семья на примѣтѣ изъ-за брата.... Все это я узналъ сегодня утромъ. Губернаторъ нарочно приказалъ скрыть все это отъ меня, щадя мои чувства. Но онъ сказалъ мнѣ, что имъ сдѣлано распоряженіе, чтобы при обыскѣ полиція вела себя какъ можно деликатнѣе и чтобъ ваше семейство было устранено отъ

всякой прикосновенности.... Надѣюсь, его инструкціи были соблюдены?

Катя ничего не отвѣчала на послѣдній вопросъ. Она была уничтожена. Крутиковъ торжествовалъ. Онъ могъ бы воспользоваться своей побѣдой вполнѣ и начать упрекать Катю въ томъ, что она могла заподозрить его въ предательствѣ. Но съ нею онъ былъ честенъ. Онъ вспомнилъ съ внутреннимъ трепетомъ, какъ онъ былъ къ этому близокъ.

Онъ подошелъ къ ней. Его тяжелое, внушительное лицо оживилось волненіемъ искренняго чувства.

— Катя, сказалъ онъ, перестань волноваться. Не смотри такъ.... Будемъ, какъ прежде. Я знаю, что я тебя не стою. Многое прошелъ я въ жизни, и не одно пятно залегло мнѣ на душу. Дай же мнѣ руку. Люби меня. Съ тобой я буду лучшимъ, буду хорошимъ человѣкомъ....

— Простите меня, прости меня. Я виновата передъ тобою, сказала Катя, подавая ему руку.

Онъ поднесъ ее къ своимъ губамъ. Примиреніе произошло полное.

IX.

Крутиковъ имѣлъ въ виду вѣнчаться только на Рождество, Къ этому времени должны были съѣхаться въ С. его родные. Губернаторъ обѣщался быть посаженнымъ отцомъ. Свадьба предстояла пышная, о какой заговорили бы на всю губернію.

Но послѣ короткой недомолвки, вызванной появленіемъ Владиміра, Катя вдругъ начала торопить со свадьбою.

Крутиковъ былъ очень польщенъ.

— Ну повѣнчаемся въ октябрѣ. Я потороплю своихъ.

— Нѣтъ, слишкомъ долго, сказала Катя.

— Такъ когда же? спросилъ онъ, улыбаясь. Вѣдь это черезъ два мѣсяца.

— Пусть будетъ черезъ двѣ недѣли, отрѣзала Катя.

Крутиковъ запротестовалъ. Въ такой короткій срокъ не то, что съѣхаться, даже оповѣстить никого порядкомъ не успѣешь.

— Да я и не хочу никого оповѣщать, сказала Катя. Зачѣмъ?

Даже въ городѣ вѣнчаться она не захотѣла, а непремѣнно въ деревнѣ, въ сосѣдней сельской церкви, совсѣмъ по домашнему. Чтобъ только свои были.

— Но вѣдь это будетъ, точно мы украдкой вѣнчаемся.

— Кому какое дѣло?

Крутикову это все не нравилось, но онъ долженъ былъ уступить. Катя уперлась на своемъ. Она сама не могла отдать себѣ отчета, почему ей такъ хотѣлось поторопить свадьбу. Она не воспылала внезапной страстью къ Крутикову, ей даже какъ будто скучновато съ нимъ стало. Но ей невыносимо было тянуть и ждать.

хотѣлось поскорѣй покончить. Ее волновали какіе-то вопросы и сомнѣнія, и она думала, что всему этому будетъ конецъ, лишь только дѣло будетъ сдѣлано, и они повѣнчаются. И она торопила съ приготовленіями и раздражалась зло, серьезно, когда являлись какія-нибудь препятствія.

— Что это ты, Катя, такъ.... точно тебѣ либо замужъ, либо въ воду, говорила ей мать. Сколько знакомы съ Павломъ Александровичемъ, — и ничего, а тутъ вдругъ....

— Ахъ, мама, и теперь все тоже, съ досадой сказала Катя. Съ чего вы взяли?

— Какъ съ чего? Развѣ я не вижу?

— Не то это, мама, совсѣмъ не то, скалала Катя и вздохнула.

Она почувствовала яснѣе, чѣмъ когда-либо въ жизни, какъ могла бы вся отдаться чувству, которое было бы именно „то“....

Крутиковъ въ виду скорой свадьбы взялъ отпускъ и почти все время проводилъ у нихъ въ домѣ, наѣзжая лишь въ городъ, чтобъ навѣдаться къ подрядчикамъ и на свою будущую женатую квартиру, которую рабочіе торопились убирать.

Онъ поселился въ томъ самомъ флигелькѣ, гдѣ жилъ Владиміръ. Катя заходила къ нему по вечерамъ, но почти всегда брала съ собою мать. Вдвоемъ они както не находили предметовъ для разговора, а при матери всегда завязывался оживленный разговоръ о будущемъ устройствѣ ихъ жизни, мебели, обояхъ. Крутиковъ спрашивалъ мнѣнія дамъ, часто спорилъ со старухой, и тогда оба обращались къ Катѣ за рѣшеніемъ. Катя всегда брала сторону жениха, хотя ей въ сущности было все равно. Иногда Крутиковъ заводилъ возвышенные разговоры: высказывалъ свои взгляды на народъ и на необходимость вести его твердой и попечительной рукой къ его собственному благу. Но отъ этихъ рѣчей Катю коробило. Она вспоминала другія рѣчи, дышавшія любовью и преданностью. „Забыть себя. Не имѣть другой думы, кромѣ счастья этого самаго на-

рода. Душу за него положить....“, и на нее вѣяло холодомъ отъ рѣчей жениха. Такіе разговоры обыкновенно замирали въ тяжеломъ молчаніи, которое обѣ стороны боялись нарушить, точно это былъ невѣдомый лѣсъ, куда нельзя было ступить изъ опасности наткнуться на какого-нибудь звѣря.

Ее поражало это отсутствіе внутренней связи между нею и женихомъ, чего она прежде не замѣчала.

Она думала о Владимірѣ, съ которымъ она могла разговаривать безъ конца и съ которымъ даже молчать было легко.

„Неужели такъ всегда будетъ?“ съ ужасомъ спрашивала она себя, оставшись наединѣ. И тотчасъ отвѣчала, что этого не можетъ быть: это только пока. Когда они поженятся, у нихъ будетъ все общее.

И она торопила съ приготовленіями, и волновалась, и сердилась на мать, на няню, на всѣхъ, если что-нибудь не дѣлалось такъ скоро, какъ бы ей хотѣлось.

Няня не дѣлала ей никакихъ упрековъ и замѣчаній. Она была умнѣе барыни и знала свою барышню лучше. Она только смотрѣла на нее умнымъ старческимъ взглядомъ и, оставшись одна, вздыхала и покачивала сѣдой головой.

Разъ, это было въ среду, дней десять спустя послѣ отъѣзда Владиміра, она была у Кати въ спальнѣ и расчесывала ей русыя косы передъ сномъ. Катя была грустна и задумчива: завтра должна была придти газета отъ того числа, гдѣ Владиміръ, если только онъ благополучно добрался до Петербурга, обѣщалъ напечатать объявленіе. Живъ-ли онъ? Увидитъ-ли она завтра это объявленіе? Это была бы такая для нея радость, что она не вѣрила ея возможности.

— Что это ты, касатка, закручинилась? сказала няня. Али о немъ вспомнила?

— О немъ, засмѣялась Катя. А ты почемъ знаешь?

Онѣ понимали другъ друга, и имъ не нужно было называть, кто этотъ „онъ“.

— Да ужъ мнѣ-ли не знать? Не даромъ седьмой десятокъ доживаю, сказала няня.

Она принялась расчесывать большимъ гребнемъ густые, крѣпкіе волосы своей барышни. Нѣсколько времени обѣ молчали.

— Чтожъ, продолжала старуха въ раздумьи съ выраженіемъ старческой покорности судьбѣ на морщинистомъ лицѣ. Стерпится, слюбится. Онъ — человѣкъ хорошій и тебя крѣпко любитъ. Да и какъ ему не любить тебя, такую умницу и красавицу....

„Онъ" былъ уже теперь другой, и Катя запротестовала.

— Что это ты, няня, выдумала, сказала она со смѣхомъ. Никого мнѣ, кромѣ Павла Александровича, не нужно.

— Ну, и слава Богу, дитятко, сказала няня и, перекрестивъ ее передъ сномъ, поплелась въ свою коморку.

Почта не ходила къ Прозоровскому домику. Всю свою небольшую корреспонденцію семья получала на ближайшую желѣзнодорожную станцію, куда посылали верховаго раза два въ недѣлю или какъ придется. Четвергъ былъ почтовый день въ домикѣ, но на станцію ѣздили только послѣ обѣда. Катя рѣшилась ѣхать сама тотчасъ послѣ завтрака и велѣла закладывать себѣ одноколку. Но едва она успѣла одѣться, какъ увидѣла въ окошко подъѣзжавшаго Крутикова. Онъ ночевалъ въ городѣ и явился спозаранку.

„И чего бы ему не пріѣхать послѣ обѣда!" съ досадой подумала Катя. „Только помѣшалъ".

Она сошла внизъ и поздоровалась съ женихомъ довольно сухо.

— Я захватилъ на станціи вашу почту, сказалъ Крутиковъ. Ничего, впрочемъ, не оказалось. Только вотъ газеты.

Онъ подалъ ей пакетъ, который Катя выхватила съ жадностью у него изъ рукъ, и разорвала бандероль. Она нашла номеръ и въ неописанномъ волненіи раскрыла листъ. На первой страницѣ, на видномъ мѣстѣ, стояло объявленіе.

Она вскрикнула отъ радости, засмѣялась и захлопала въ ладоши.

— Что съ тобой? Наслѣдство получила? Фрейлиной

тебя при дворѣ съѣлали? спрашивалъ Крутиковъ, съ улыбкой глядя на свою невѣсту.

— Нѣтъ, такъ, ничего. Я что-то загадала, сыпала Катя, не помня отъ радости, что говоритъ. Я загадала, что если будетъ сегодня въ газетѣ объявленіе съ моимъ годомъ, такъ мнѣ будетъ счастье въ жизни, а если нѣтъ — нѣтъ. И вдругъ, вотъ смотри — мой годъ, да цѣлыхъ три раза.

Въ объявленіи объ урокахъ съ испанскаго данъ былъ адрессъ: Васильевскій островъ, 22 линія, домъ 22, квартира 22. Катя, заливаясь смѣхомъ, показывала это объявлніе жениху, мамѣ, нянѣ. Ей нужно было хоть какъ-нибудь подѣлиться своей радостью.

Но вдругъ она поблѣднѣла и, схвативши за грудь, опустилась на стулъ. Сердце ея внезапно вздрогнуло, застыло. Съ ней сдѣлался припадокъ. Отецъ ея умеръ отъ разрыва сердца, и у нея остался наслѣдственный порокъ въ легкой формѣ. Докторъ приказывалъ ей беречься, но ей было не до того въ послѣднія двѣ недѣли. Ее уложили на кушетку, принесли воды, Мать и Крутиковъ перепугались. Но припадокъ скоро прошелъ. Катя встала, какъ ни въ чемъ не бывало, и была цѣлый день весела, какъ птичка, и особенно ласкова съ женихомъ. Крутиковъ ушелъ къ себѣ очарованный: до свадьбы оставалось всего четыре дня.

Катя провела это время какъ въ лихорадкѣ. Не смотря на все ея желаніе повѣнчаться скромно, безъ огласки, вѣсть объ этомъ проникла и въ городъ, и въ окрестныя усадьбы. Посыпались письма отъ знакомыхъ, визиты отъ сосѣдей. Нужно было принимать гостей, отписываться и вмѣстѣ готовить приданое: мать была бы въ совершенномъ отчаяніи, еслибъ дочка вышла замужъ, даже не успѣвъ помѣтить бѣлья. У Кати не было ни минуты свободной, чтобы сосредоточиться. Да она и не искала этого.

X.

Въ роковой день она встала съ тяжелой головой, и первой ея мыслью было: „сегодня все кончится". Ей было и страшно, и тоскливо, и хотѣлось надъ чѣмъ-то заплакать. Но она знала, что это такъ всегда бываетъ съ невѣстами, и бодрилась. Только сердце ея то замирало, то ни съ того, ни съ сего начинало стучать, какъ молотокъ, и ныло предчувствіемъ чего-то недобраго.

День былъ пасмурный. Съ утра лилъ частый, мелкій дождикъ, который приводилъ старуху Прозорову и няню въ большое уныніе: это была скверная примѣта. Кто вѣнчается въ дождь — тому всю жизнь слезы. Прозорова даже всплакнула. Въ шесть часовъ подали карету. Подъ частый стукъ дождя о витрины они доѣхали до церкви. На паперти стояло нѣсколько нищихъ, прослышавшихъ какъ-то о предстоящемъ торжествѣ. Катя одѣлила ихъ всѣхъ.

— Молитесь за мою душу, прошептала она, точно готовилась лечь въ могилу.

Они вошли во внутрь. Бѣдная деревенская церковь была чуть освѣщена четырьмя иконостасными свѣчами и полудюжиной паникадилъ. Отъ чернаго зіяющаго купола вѣяло холодомъ, сыростью. Въ церкви было пусто и тихо.

„Точно въ могилѣ", мелькнуло въ головѣ у Кати.

Женихъ уже ждалъ. Оба шафера были тутъ же. Дьячокъ вынесъ передъ царскіе врата аналой и положилъ на него требникъ, поставивъ рядомъ восковую свѣчу въ высокомъ подсвѣчникѣ. Передъ аналоемъ разложили шелковый платъ. Вышелъ священникъ. Молодые взялись за руки и заняли свое мѣсто на шелковомъ платкѣ...

Няня, стоявшая сзади въ небольшой кучкѣ зрителей, нагнулась къ уху своей госпожи.

— Первая, она первая ступила на платъ, наша голубушка! радостно шептала она.

Это была примѣта: кто изъ молодыхъ первымъ ступитъ на платъ, тому, значитъ, быть головой въ домѣ.

Молодые стояли, держась за руки. Катя не видѣла своего жениха: она слушала, что читалось съ амвона. Священникъ попался молодой, не обломавшій языкъ на обычной требѣ. Каждое слово онъ читалъ внятно и выразительно, и слова были всѣ такія высокія, прекрасныя. Они объясняли смыслъ и значеніе таинства. Все оставитъ человѣкъ, отца и мать, и семью для одного человѣка, любимаго, и будетъ съ нимъ одно, тѣломъ и душою. „Тайна сія велика есть“.

Да, да, такъ.... Это именно „то“, о чемъ она мечтала. Она это понимаетъ, она можетъ. „Не имѣть ничего своего, дѣлить все, быть, какъ одна душа и вмѣстѣ служить другимъ. Отречься отъ себя. Не имѣть другой думы.... Душу свою положить....“ Откуда она это говоритъ? спросила она себя. Попъ этого, кажется, не читалъ? Да это слова Владиміра!... Его образъ вдругъ всталъ передъ ней ярко, какъ живой, съ укоромъ въ глазахъ... Сердце ея застучало, какъ у пойманной птички, потомъ вдругъ остановилось, и она вся похолодѣла. Въ груди ея что-то кольнуло. Она думала, что вотъ-вотъ грохнется на землю.

Ея внезапную блѣдность замѣтили. Въ церкви произошло волненіе. Шаферъ поддержалъ ее за плечо.

Но она оправилась на этотъ разъ.

Изъ ризницы принесли на блюдѣ вѣнцы. Священникъ взялъ ихъ, перекрестилъ и возложилъ ихъ на голову сперва жениха, потомъ невѣсты.

Пѣвчіе запѣли торжественный гимнъ.

Потомъ священникъ опять сталъ читать, и Катя заслушалась. Слова показались еще лучше, еще трогательнѣе прежнихъ. Они должны любить другъ друга, какъ Христосъ возлюбилъ церковь. Какъ это хорошо сказано! Отчего она этихъ словъ не слышала раньше, а ей все

говорили о томъ, чтобъ хорошо пристроиться, составить хорошую партію, имѣть доходы.... Да, именно: какъ Христосъ возлюбилъ церковь. Любить всей душой, заботиться, умереть за другого.... Она это можетъ, Она понимаетъ.... Боже мой, да вѣдь она о Владимірѣ думаетъ, она его такъ любитъ, а не этого, чужаго, посторонняго человѣка, который стоитъ съ ней рядомъ! Она обманываетъ и Бога, и людей.... Господи, что же это такое?

Запѣли пѣвчіе, потомъ священникъ опять сталъ что-то читать. Но Катя уже не слушала: страшное открытіе, какъ зарево внезапнаго пожара, освѣтило все, что было для нея темно въ ея собственной душѣ. Мысли, какъ вырвавшіеся на волю кони, неслись, сталкиваясь и перегоняя другъ друга, въ ея цепенѣющемъ отъ ужаса мозгу. Она давно любитъ Владиміра. Она торопила съ вѣнчаніемъ, чтобы убѣжать отъ своего чувства, убить его однимъ ударомъ. Но оно гналось за ней и нагнало ее.... здѣсь.... въ самой церкви. Боже, что съ ней будетъ? Она любитъ Владиміра. Не уйти ей отъ этого чувства, какъ не уйти отъ самой себя. Она обманула себя и другихъ, и всю жизнь должна прожить обманщицей. И зачѣмъ все это случилось? Зачѣмъ она съ нимъ встрѣтилась? Ей было такъ покойно....

Сердце неистово стучало у нея въ груди. О, какъ бы она хотѣла, чтобъ оно разорвалось и смерть пришла ей на выручку въ эту минуту! Но нервы держались крѣпко.

Ей казалось въ эту минуту, что ее осудили и привели за ея великую вину на казнь. И какъ приговоренный не спускаетъ глазъ съ лезвія топора, который отрубитъ ему голову, такъ и она слѣдила съ жгучимъ, леденящимъ любопытствомъ за священникомъ, который каждымъ своимъ движеніемъ крѣпче и крѣпче заклепывалъ ея вѣчную цѣпь.

Приближалась рѣшительная минута, послѣ которой по каноническому закону бракъ становится нерасторжимымъ.

Въ тупомъ отчаяніи Катя снова начала слушать. Что

это? Опрашиваніе? А, можетъ быть, ей еще есть спасеніе! Она шепнетъ три слова жениху, чтобъ тотъ отъ нея отказался. Она обернулась къ нему лицомъ въ первый разъ за всю службу. Но губы ея шевелились, не издавая звука.

— Рабъ Божій Павелъ, ясно проговорилъ между тѣмъ священникъ, желаешь-ли взять себѣ въ жены сію рабу Божію Екатерину?

— Да, послышался отвѣтъ жениха, который, какъ ударъ молота, отдался въ ушахъ Кати.

„Боже, Боже! что со мной будетъ?" промелькнуло въ ея умѣ.

— Раба Божія Екатерина, повторилъ священникъ, переводя взглядъ на нее. Желаешь-ли взять себѣ мужемъ сего раба Божія Павла?

Катя прошептала что-то длинное, чего никто не могъ разобрать. Священникъ приписалъ ея несвязный отвѣтъ обыкновенной застѣнчивости. Онъ подождалъ съ минуту и, не желая смущать ее еще больше повтореніемъ вопроса, составляющаго обыкновенно чистую формальность, онъ взялъ вѣнчальное кольцо и собирался надѣть ей его на палецъ. Ужасъ возвратилъ ей силы.

— Нѣтъ, раздалось подъ сводами церкви гулкимъ шопотомъ, и столько было муки въ этомъ звукѣ, что можно было подумать, что душа вырвалась изъ тѣла, пошевеливши въ послѣдній разъ эти поблѣднѣвшія губы. Катя упала безъ чувствъ.

Произошелъ невообразимый переполохъ. Съ Прозоровой сдѣлалась истерика. Священникъ смотрѣлъ растерянно то на невѣсту, лежавшую на рукахъ шафера и няни, то на жениха, который стоялъ блѣдный, убитый, не отдавая себѣ еще отчета, какъ все это случилоаь.

Катю унесли въ карету. Бракъ не состоялся.

Черезъ двѣ недѣли она уѣхала въ Петербургъ.

* * *

Прошло нѣсколько лѣтъ. Протосковавъ цѣлый годъ по Катѣ, Крутиковъ понемногу утѣшился и кончилъ тѣмъ, что женился на племянницѣ губернатора, что окончательно укрѣпило хорошее мнѣніе о немъ его начальника. Онъ быстро пошелъ въ гору, потолстѣлъ и теперь мѣтитъ въ вице-губернаторы. Вспоминая въ минуты своего чиновничьяго торжества объ увлеченіяхъ молодости, онъ радуется, что не связалъ своей судьбы съ взбаламошной дѣвчонкой, которая и его, пожалуй, не довела бы до добра.

Домикъ на Волгѣ все стоитъ на томъ же мѣстѣ. Но въ немъ никто уже не живетъ. Окна заколочены досками, потому что новый хозяинъ, мѣщанинъ-огородникъ, находилъ невыгоднымъ отоплять такую хоромину и ютился съ женой и сыномъ въ флигелькѣ. Няня умерла, и старуха Прозорова, не выдержавъ одиночества, распродала все и переѣхала жить къ незамужней сестрѣ въ одну изъ подмосковныхъ губерній.

Мирное гнѣздо было разрушено. Но въ рядахъ борцовъ за миръ и счастье милліоновъ другихъ гнѣздъ прибавилось однимъ человѣкомъ, а вскорѣ и двумя. Въ одномъ изъ подпольныхъ изданій мелкимъ шрифтомъ появилось извѣстіе о томъ, что одинъ изъ бывшихъ каторжанъ, Иванъ Прозоровъ, благополучно бѣжалъ изъ Сибири.

Владиміръ исполнилъ женѣ обѣщаніе, данное любимой дѣвушкѣ.

КОНЕЦЪ.

Gaylord
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Domik na Volgie; poviest.
891.73 K91D
D903542482